

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Дневник А. В. Никитенко как источник по истории Санкт-Петербургского университета

Выпускная квалификационная работа
по направлению подготовки 030600 *История*
образовательная программа бакалавриата: *История*
профиль: *Отечественная история*

Выполнила:
обучающаяся 4 курса
дневного отделения
Карпова Анастасия Олеговна

Научный руководитель:
к.и.н., доцент
Жуковская Татьяна Николаевна

Санкт-Петербург

2018

Содержание

Введение	3
Глава I. Профессорская карьера А. В. Никитенко и ее отражение в «Дневнике» и других источниках	19
§ 1. Юность А. В. Никитенко и становление личности.....	19
§ 2. А. В. Никитенко – студент	27
§ 3. Путь к профессуре: 1828-1849 гг.....	32
§ 4. А. В. Никитенко как тип профессора	42
Глава II. Столичный университет и университетские отношения глазами университетского профессора	46
§ 1. Взаимоотношение университетской среды и администраторов просвещения.....	46
§ 2. Социальный облик, корпоративная культура и учебно-профессиональная деятельность профессоров столичного университета	54
§ 3. Путь к профессуре: 1828-1849 гг.....	60
§ 4. А. В. Никитенко как тип профессора	67
Заключение	81
Список использованных источников и литературы	86

Введение

Актуальность исследования. Использование документов личного происхождения в исторических исследованиях становится все более распространенной практикой в связи с усилением интереса исследователей к социальной и антропологически ориентированной истории¹. Современная историческая наука расставляет новые акценты в восприятии «эго-документов»: наравне с фактами и деталями произошедших событий, которые могут быть обнаружены, перед историком предстает фигура самого автора – его мировосприятие, ценности, переживания и размышления². Субъективность автора и его интерпретация событий прошлого позволяют рассмотреть социально-психологические аспекты исторических событий.

Дневник профессора Санкт-Петербургского университета А. В. Никитенко, затрагивающий обширный период истории университета (30-60-ые гг. XIX в.), позволяет не только реконструировать конкретные события, произошедшие в стенах здания Двенадцати коллегий, но и проникнуть в так называемый «внутренний мир университета» и Петербурга в целом, его научно-культурное пространство. Данный источник дает возможность реконструировать детали взаимоотношений внутри университетской корпорации, подробности работы системы образования, управления университетом, его связей с внеуниверситетским миром столицы, включенность в общественные и идейные течения своего времени.

«Дневник» А. В. Никитенко, как исторический источник по Санкт-Петербургскому университету и как объект самостоятельного исследования, остается недооцененным историками университетов, и его изучение является актуальной темой в современной исторической дискуссии о формировании университетских сообществ.

¹ Булгакова Л. А. Мемуары как источник по истории университетов дореформенной России // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XVI. Л., 1985. С.189-202.

² Георгиева Н. Г. Мемуары как феномен культуры и как исторический источник. Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Сер. История России. 2012. № 1. С.8.

Объектом изучения является «Дневник» А. В. Никитенко, рассмотренный как исторический источник.

Предметом исследования является характер отражения в данном источнике истории Санкт-Петербургского университета и университетского сообщества.

Хронологические рамки исследования охватывают отраженный в «Дневнике» период 1825-1861 гг. Нижняя граница связана с самим фактом поступления А. В. Никитенко в университет студентом, верхняя – с закрытием столичного университета на длительный срок в 1861 г., вызванным студенческим движением и волнениями в университетских городах, за чем последовала трансформация правового положения и внутреннего устройства университетской корпорации.

Цель исследования: охарактеризовать образ Санкт-Петербургского университета и его сообщества, каким он представлен в «Дневнике» А. В. Никитенко.

Для достижения данной цели необходимо решить ряд взаимосвязанных исследовательских задач:

1. Выявить особенности личности, биографии и профессионального пути А. В. Никитенко;
2. Дать характеристику А. В. Никитенко, как мемуаристу, оценить его информированность и мотивацию в ведении записей;
3. Систематизировать по источнику содержательные блоки, характеризующие академические и социальные связи в университетской среде, специфику преподавания и отношения университетской корпорации с властью и обществом в 1820-50-х гг.;
4. Определить отношение автора «Дневника» к описываемым событиям и феноменам университетской истории.

Методы исследования. «Дневник» А. В. Никитенко обладает высокой степенью эксплицитности. Поскольку мотивация автора заключалась в стремлении представить образ современной ему России и, в частности,

университета и университетских людей, в тексте часто встречается открытое мнение автора по тому или иному вопросу, сюжету или происшествию. Однако имплицитность также присуща тексту «Дневника» – она проявляется в неудобных для образа автора вопросах и ситуациях. Так, А. В. Никитенко практически никогда не затрагивает финансовую сторону своей цензорской и чиновничьей службы (при А. С. Норове он состоял в Совете при Министерстве народного просвещения). Умалчиваются некоторые причины столкновений мемуариста с вышестоящими лицами и коллегами – например, с ректором П. А. Плетневым или профессором О. И. Сенковским.

Большое значение при исследовании образа Санкт-Петербургского университета, выстроенном в «Дневнике», играют методы классического источниковедения, в частности, внутренняя критика источника, которая позволяет соотнести сведения из «Дневника» с реально происходившими событиями, а также обнаружить неявные искажения и преувеличения, допущенные автором. Историко-сравнительный метод позволяет соотнести основной источник с синхронными и содержательно близкими ему, а историко-типологический позволяет представить образы профессорской корпорации на основании совокупности характеристик отдельных лиц и университетских отношений.

«Дневник» относится к типу документов личного происхождения, что подразумевает высокую степень субъективности. В этой связи имеет значение аксиологический подход, который позволяет раскрыть особенности личности автора и его мировосприятия, предвзятость его суждений, уклончивость или, наоборот, искренность оценок, которая присуща дневникам в наибольшей степени, в отличие от других источников личного происхождения³.

Характер изученности проблемы. Несмотря на усиливающийся в истории интерес к темам университетского образования, в частности, истории Санкт-

³ Жуковская Т. Н. Русская мемуаристка первой трети XIX века. Учебное пособие по спецкурсу. Петрозаводск: ПетрГУ, 2006.

Петербургского университета, период дореформенного университета остается малоизученным.

Исследование университетских мемуаров и отражения в них истории университетской системы второй трети XIX в. включается в более общую историю университета и университетских сообществ XIX в. и пересекается с историографией Санкт-Петербургского университета, правительственной политики в университетском вопросе. Используемую нами литературу можно условно разделить на три группы:

- публикации по истории Санкт-Петербургского университета в годы профессорства А. В. Никитенко;
- биографическая литература об авторе дневника;
- исследования об особенностях университетских мемуаров.

К работам по истории Санкт-Петербургского университета в годы профессорства А. В. Никитенко относятся отдельные публикации, посвященные годовщинам университета, где через биографии и воспоминания университетов представлена вся история университета. Такова историческая записка В. В. Григорьева – «Императорский Санкт-Петербургский Университет в течение первых пятидесяти лет его существования»⁴. Здесь можно найти официальную характеристику А. В. Никитенко, которая весьма положительна⁵. Одной из первых попыток обобщения материала по истории университета стал труд А. С. Воронова, включающий в себя ценные статистические данные и большой объем материалов официального делопроизводства⁶. Также стоит отметить историческую записку П. А. Плетнева по случаю двадцатипятилетия университета, где дается характеристика кафедр и кадровой политики на факультетах⁷.

⁴ Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования. Историческая записка. СПб.: Тип. В. Безобразова и ком., 1870.

⁵ Там же. С.238.

⁶ Воронов А. С. Историческо-статистическое обозрение учебных заведений С. Петербургского учебного округа с 1829 по 1853 год. СПб.: Тип. Якова Трея, 1855.

⁷ Плетнев П. А. Первое двадцатипятилетие Императорского Санкт-Петербургского университета. Историческая записка. СПб.: воен.-учеб. заведений, 1844.

В советское время центральное место в исследованиях истории университетов занимало изучение студенческой корпорации в контексте классовой борьбы, а также университетской политики власти. Несмотря на идеологическую конъюнктуру, многие классические труды 1960-1980-х гг. содержат важный материал и оценки состояния университетской корпорации. В работах Р. Г. Эймонтовой: «Русские университеты на путях реформы»⁸, «Университеты на грани двух эпох: от России крепостной к России капиталистической»⁹, дается характеристика включения петербургских профессоров, в частности А. В. Никитенко, в процесс выработки университетских реформ середины 1850-х гг. и его собственных проектов¹⁰. А. В. Никитенко представлен как сторонник расширения университетской автономии, сотрудничающий с министерством народного просвещения.

Отметим также монографию американской исследовательницы Ц. Х. Виттекер, переведённую на русский язык в 1999 г., где детально рассмотрены просветительская политика С. С. Уварова, эволюция его взглядов и особенности управления просвещением¹¹.

В последнее двадцатилетие изучение университетской истории характеризуется сменой проблематики, более широким привлечением архивных и опубликованных источников, в том числе мемуарных. Доминирует социальная история университетских сообществ, история повседневности, университетские репрезентации, каковыми и являются архивы, юбилеи, университетская периодика и мемуары универсантов. Среди новейших исследований в контексте нашей темы важны работы Е. А. Вишленковой¹² и Р. Х. Галиуллиной¹³, К. А.

⁸ Эймонтова Р. Г. Русские университеты на путях реформы. М.: Наука, 1993.

⁹ Эймонтова Р. Г. Университеты на грани двух эпох: от России крепостной к России капиталистической. М.: Наука, 1985.

¹⁰ Эймонтова Р. Г. Русские университеты на путях реформы... С.26, 29.

¹¹ Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. Спб.: Академический проект, 1999.

¹² Вишленкова Е. А., Савельева И. М. Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013.

¹³ Вишленкова Е. А., Галиуллина Р. Х. Профессора и бюрократы: парадоксы университетской автономии в России в первой половине XIX века. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.

Ильиной¹⁴, рассматривающие профессорскую корпорацию в институциональном и антропологическом аспекте, в том числе практики взаимодействия администраторов просвещения и профессорской корпорации¹⁵. Работа Р. Х. Галиуллиной и К. А. Ильиной, посвящённая изданию «Журнала министерства народного просвещения», позволяет рассмотреть политику ведомственного журнала, в издании которого участвовал А. В. Никитенко¹⁶.

Работы Т. Н. Жуковской касаются национального состава профессорской корпорации и конфликтов внутри нее¹⁷. В данном контексте стоит выделить работы А. И. Авруса¹⁸ и Г. А. Тишкина¹⁹, прослеживающие сам феномен «университета» на отечественной почве. Юбилейная «Летопись» С.-Петербургского университета предлагает систематизацию имеющихся источников и литературы, но также содержит ценные материалы к биографиям профессоров²⁰.

Также стоит выделить многочисленные работы Т. В. Костиной, изучающей кадровые и социальные аспекты истории профессорской корпорации XIX в. на

¹⁴ Вишленкова Е. А. Ильина К. А. «Воспроизводство себе подобных» в российском университете первой половины XIX века. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.

¹⁵ Галиуллина Р. Х. М. Н. Мусин-Пушкин – попечитель Казанского и Петербургского учебных округов. Санкт-Петербургский университет в XVIII-XX вв.: европейские традиции и российский контекст. Спб., 2009. С.88-106.

¹⁶ Галиуллина Р. Х., Ильина К. А. Ученые записки ученого сословия (первая половина XIX века). М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

¹⁷ Жуковская Т. Н. 1) О «лжеучености», корысти, интриганстве и корпоративной этике: пороки в университетской среде первой половины XIX в. Университеты в образовательном пространстве региона: опыт, традиции, инновации». Мат-лы науч.-метод. конф. 16-17 февраля 2010. Петрозаводск, 2010. Ч. 1 (А -К). С.16-26. 2) Университеты и университетские традиции в России. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ. 2011. 3) Жуковская Т. Н., Любезников О. А. Правительственная политика и корпорация Петербургского университета в дореформенный период: основные итоги и проблемы изучения. Клио. Журнал для ученых. Спб., 2013. № 10(82). С.26-36. 4) Представляя университетское сословие [Рец. на книги: Вишленкова ЕА. Галиуллина Р.Х. Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессорская солидарность. М., 2012. 650 с.; Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. Коллективная моногр. под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М.: НИУ ВШЭ, 2013] 386 С. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2016. № 3. С.170-176 5) «Тайные общества», студенческие «буйства» и запрещенные лекции: политика в дореформенном университете // Уроки истории – уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930-1996). СПб.: Нестор-История, 2012. С.258-278.

¹⁸ Аврус А. И. История российских университетов: Очерки. М.: Издат. центр науч. и учеб. программ, 2001.

¹⁹ Тишкин Г. А. Некоторые итоги изучения истории университетского образования в Санкт-Петербурге. Вестник СПбГУКИ. 2011. № 4 (9). С.154-159.

²⁰ 275 лет Санкт-Петербургский государственный университет, летопись 1724-1999. Спб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999.

примере Казанского университета²¹. В фокусе ее внимания такие проблемы, как качество жизни и материальная обеспеченность профессора²², политическая ориентация²³, особенности социальных лифтов в университете²⁴. Стоит упомянуть и монографию Е. А. Ростовцева, предлагающего коллективный портрет профессоров Санкт-Петербургского университета в контексте борьбы за университетскую автономию²⁵. Хотя автор, в основном, охватывает период 1884-1917 гг., он дает ценные замечания относительно развития университетской корпорации предшествующего времени.

Работы К. С. Казаковой, косвенно – через рассмотрение студенческой корпорации первой половины XIX в., представляют систему отношений профессоров и студентов²⁶. Отдельные работы Н. Н. Зипунниковой²⁷ и Г. А. Камчатнова²⁸ посвящены правовым аспектам ученой профессии. Монография Н. И. Кузнецовой позволяет рассмотреть становление социально-психологического типа университетского ученого²⁹.

Биографическая литература об А. В. Никитенко не столь обширна, однако обсуждает интересные подробности его жизни, начиная с дореволюционных биографов. В статье В. Р. Зотова развернуто описывается доуниверситетский период жизни А. В. Никитенко, а также содержатся ценные комментарии автора

²¹ Костина Т. В. Мир университетского профессора Казани. 1804-1863: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Казань, 2007.

²² Костина Т. В. Качество жизни университетского профессора первой половины XIX века (на примере Казанского университета). Санкт-Петербургский университет в XVIII-XX вв.: европейские традиции и российской контекст. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2009.

²³ Костина Т. В. Пересмотр кадрового состава русских университетов в 1835-1837 годах. Уроки истории - уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930-1996). СПб.: Нестор-история. 2012.

²⁴ Костина Т. В. Карьера в университете, или сколько лет должно быть профессору. Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М.: Издательство ЛКИ, 2007. Ч. 20.

²⁵ Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX - начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017.

²⁶ Казакова К. С. Студенчество Петербургского университета в первой половине XIX в. Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб., 2010. С.24.

²⁷ Зипунникова Н. Н. Правовой статус ученого в Российской империи (особенности формирования ключевых моментов). Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. №2.

²⁸ Камчатнов Г. А. Отечественная историография правительственной политики в университетском вопросе в эпоху великих реформ. Научные ведомости. МГУ. 2008. № 10 (50).

²⁹ Кузнецова Н.И. Социо-культурные проблемы формирования науки в России (XVIII - середина XIX вв.). М., 1999.

относительно его восприятия современниками³⁰. В статье А. И. Богдановича, также посвящённой биографии А. В. Никитенко, больший акцент ставится на мировоззренческие установки А. В. Никитенко, в статье В. А. Васильева обсуждается участие А. В. Никитенко в работе Петербургского цензурного комитета³¹. Детали работы А. В. Никитенко цензором затрагиваются в статьях Ф. И. Булгакова и П. Н. Полевого³². В работе Г. Г. Шпета, посвящённой научному пути Н. Г. Чернышевского, соответственно затрагиваются отношения между ним (студентом) и профессором А. В. Никитенко как его научным руководителем, а позже одним из оппонентов Н. Г. Чернышевского на защите магистерской диссертации³³. В разделе, посвященном А. В. Никитенко в словаре русских писателей обстоятельно излагаются факты его биографии от момента рождения до смерти³⁴.

Также стоит упомянуть такую работу, как книга Э. К. Виртшафтер, которая затрагивает проблемы социальной динамики в модернизирующейся России и наличие переходных социальных групп³⁵. Авторы многочисленных работ, посвященных истории цензуры, такие как В. К. Кантор, В. Г. Березина, А. В. Цыганов рассматривают деятельность А. В. Никитенко на должности цензора³⁶.

Работы, касающиеся специфики университетских мемуаров (исследования Н. Г. Георгиевой³⁷ и Д. М. Галиуллиной³⁸) характеризуют типологию,

³⁰ Зотов Р. М. Либеральный цензор и профессор пессимист. Биографический очерк. Исторический Вестник, 1893. № 10—12.

³¹ Васильева В. А. Приключение одной книги. Исторический Вестник. Т. 30. 1887; Богданович А. И. Никитенко как представитель обывательской философии приспособляемости. Сборник критических статей. Спб.: Изд-во Мир божий, 1908.

³² Булгаков Ф. И. Лермонтов и цензура. Исторический Вестник. Т.15. 1884; Полевой П. Н. Век нынешний и век минувший. Исторический Вестник. Т.28. 1887.

³³ Шпет Г. Г. Источники диссертации Чернышевского. 1929. // URL: [http://russianway.rhga.ru/upload/main/19\)%20%D0%93.%20%D0%93.%20%D0%A8%D0%BF%D0%B5%D1%82.pdf](http://russianway.rhga.ru/upload/main/19)%20%D0%93.%20%D0%93.%20%D0%A8%D0%BF%D0%B5%D1%82.pdf) (последнее посещение 11.05.2018).

³⁴ Краснов Г. В. при участии Щемелевой Л. М. Никитенко // Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. Т. 4. М-П. М.: Изд-во: Большая российская энциклопедия, 1999. С.297-302.

³⁵ Виртшафтер Э. К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М.: Логос, 2002.

³⁶ Цыганов А. В. Российский цензор А.В. Никитенко: по материалам дневника. Молодой Ученый. Т. 2. 2011. №4 (27); Березина В. Г. Цензор о цензуре. Русская литература. 1996. № 1; Кантор В. К. А. В. Никитенко: русский либерал как наследник петровских реформ. Вопросы философии. РАН. №11. М., 2006.

³⁷ Георгиева Н. Г. Мемуары как феномен культуры и как исторический источник. Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Сер. История России. 2012. № 1.

психологические особенности, адресацию, мотивы мемуаротворчества универсантов-мемуаристов. Особенно стоит отметить статью Л. А. Булгаковой, где рассмотрены основные особенности, происхождение и информативные возможности университетских мемуаров³⁹. В статье Т. Н. Жуковской раскрываются механизмы сохранения в памяти универсантов знаковых событий университетской истории – так называемых «мест памяти», и особенности их трансляции в воспоминаниях⁴⁰.

Имеются исследования, которые посвящены изучению феномена «дневника» и мемуаров университетского гуманитария. С. А. Ежова рассматривает на материалах Казанского университета мемуаротворчество универсантов⁴¹. С. В. Павловская изучает мемуаристику историков и особенности использования данных текстов⁴².

Отметим работы, посвященные самому «Дневнику» А. В. Никитенко. Это подробное исследование О. Г. Егорова, указывающего на наличие литературного клише, выделяющего приемы, используемые А. В. Никитенко в своих записях, а также изменение с годами пространственно-временного восприятие событий у автора дневника⁴³. Работа И. И. Кулаковой посвящена особенностям «Дневника», как опыта мемуарно-автобиографической прозы, занимающей свое место в ряду литературных памятников⁴⁴.

³⁸ Галиуллина Д. М. Проблема изучения мемуаров в отечественной исторической мысли. Ученые записки Казанского Университета. Гуманитарные науки. Т.128. Казань, 2006. № 4.

³⁹ Булгакова Л. А. Мемуары как источник по истории университетов дореформенной России... С.189-202.

⁴⁰ Жуковская Т. Н. Санкт-Петербургский (Ленинградский) университет в воспоминаниях, или Особенности университетской памяти // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии. VII Арсентьевские чтения (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 18 сент. 2017 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ИД «Среда», 2017. С.128–132.

⁴¹ Ежова С.А. Мемуары воспитанников Казанского университета, как исторический источник (XIX век). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Казань, 1995.

⁴² Павловская С.В. Дневники и воспоминания отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX - начала XX вв. Автореф. дисс. канд. фил. наук. Новгород, 2006.

⁴³ Егоров О. Г. Дневники русских писателей XIX века. Исследование. М.: Изд-во Флинта, 2002.

⁴⁴ Кулакова И. И. Мемуарно-автобиографическая проза А. В. Никитенко. Автореф. дисс. канд. фил. наук. Орел, 2000.

Информативным источником по биографии А. В. Никитенко выступает интернет-ресурс «Словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819-1917)», позволяющий почерпнуть справочные сведения об основных вехах профессиональной карьеры А. В. Никитенко и его коллег по университету, научном наследии, читаемых курсах лекций. Также «Словарь» содержит информацию о библиографии, архивном наследии А. В. Никитенко⁴⁵.

Большой вклад в понимание «Дневника» А. В. Никитенко как исторического источника внес И. Я. Айзеншток, подготовивший его каноническую публикацию в середине прошлого века⁴⁶. Он детально рассмотрел историю создания самого «Дневника» с момента его начала до момента публикации, предложил развернутую внешнюю критику текста, что установило факты несовпадения печатного варианта посмертного издания текста с оригиналом.

Источниковая база исследования включает законодательные, мемуарные источники, а также некоторые материалы университетского делопроизводства.

Основными представляются источники личного происхождения – в первую очередь тексты самого А. В. Никитенко: не только дневник, но и его мемуары⁴⁷. Привлекались также мемуары и других универсантов: П. П. Семенова-Тян-Шанского и А. Н. Пыпина, в которых содержится подробная характеристика преподавательского корпуса университета 1840-1850-х гг.⁴⁸. Характеристики А. В. Никитенко, его лекций, стиля преподавания мы можем найти на страницах воспоминаний А. М. Дондукова-Корсакова, Ф. Н. Фортунатова, А. М. Скабичевского, Л. Н. Модзалевского⁴⁹. Также сведения об А. В. Никитенко

⁴⁵ Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819-1917 гг.). Спб. 2012. URL: <http://bioslovhist.spbu.ru/university.html> (последнее посещение 11.05.2018).

⁴⁶ Айзеншток И. Я. Дневник А. В. Никитенко. // Никитенко А. В. Дневник. 1826-1857. М.: Гослитиздат, 1955. Т.1 С.5-44.

⁴⁷ Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе и о том "чему свидетель в жизни был": записки и дневник (1804-1877 гг.). СПб.: Тип. Герольд, 1905.

⁴⁸ Семенов-Тян-Шанский П. П. Санкт-Петербургский университет (1845-1848 гг.) // Ленинградский университет в воспоминаниях современников под ред. Мавродина В. В. Т.1. Л.: ЛГУ. 1963. С.41-44; Пыпин А. Н. Мои заметки. Вестник Европы. 1905. №3. С.5-59.

⁴⁹ Дондуков-Корсаков А. М. Мои воспоминания. Спб. 1902-1903; Фортунатов Ф. Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете // Русский архив. 1869. № 2. С.1-36; Скабичевский А. М.

содержат мемуары Л. Ф. Пантелеева, Н. Г. Устрялова, П. В. Анненкова, Д. И. Писарева⁵⁰. Данный комплекс документов дает возможность восстановить коллективную репутацию профессора А. В. Никитенко в контексте истории профессорской корпорации и науки в столичном университете.

Среди законодательных документов стоит выделить законодательные акты, которые публиковались в Сборниках постановлений и Сборнике распоряжений Министерства народного просвещения⁵¹ (акты, регламентирующие вопросы кадровой политики, правила приема в университет, определяющие автономию университетской корпорации) и внутренние университетские издания (публикации годовых торжественных актов), циркуляры, издаваемые Министерством народного просвещения. В этой связи наибольший интерес представляет Устав университетов 1835 г.⁵², а также циркуляр министра народного просвещения Е. В. Путятина от 21 июля 1861 г. об изменениях дисциплинарного режима для студентов, вызвавший волну протестов⁵³. Документы официального характера позволяют рассмотреть правовые рамки академической жизни и статус преподавателей на фоне изменений в университетской политике.

Из материалов университетского делопроизводства привлекались служебные формуляры А. В. Никитенко, отражающие его кадровый рост, объем дополнительных должностных обязанностей, размеры жалования, награды, должностные характеристики. Эти документы извлечены из ф. 14

Очерки по истории русской цензуры 1700-1863 гг. СПб., 1892; Модзалевский Л. Н. Из педагогической автобиографии // Русская Школа. Т.3. 1897. № 3.

⁵⁰ Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М. Т.1. 1958; Устрялов Н. Г. Воспоминания о моей жизни. Исторический вестник, Т.16. 1884; Анненков П. В. Литературные Воспоминания. Серия литературных мемуаров. М., 1983; Писарев Д. И. Наша университетская наука. СПб. Изд-во Ф. Павленкова, 1863.

⁵¹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.2. (Ч. 1, 2), Т. 3. СПб., 1875.

⁵² Общий Устав Императорских Российских университетов // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.2. Отд. 1. СПб., 1855. Стлб. 969-995.

⁵³ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.3. Стлб. 635.

(Петроградский университет) Центрального государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга⁵⁴.

В целом, имеющиеся источники позволяют решить поставленные задачи в рамках выбранной темы исследования.

Отдельно хотелось бы рассмотреть источниковедческие особенности «Дневника» А. В. Никитенко и подробности его издания, отраженные в уже имеющейся литературе об этом источнике. Каждодневные записи о своей жизни А. В. Никитенко вел с 14 лет до самой смерти в 1877 г. Дневник велся "по личной инициативе автора" с позиций того времени, в которое сделаны записи⁵⁵. Однако известно, что источник подвергался авторскому редактированию. Редакторская работа была прервана А. В. Никитенко в 1854 г., возобновлялась в 1866 г., но не была завершена. А. В. Никитенко успел отредактировать лишь небольшую часть своих записей, которые вышли под названием «Записок»⁵⁶. «Записки» А. В. Никитенко затрагивают историю его семьи и охватывают период с момента его рождения до момента поступления в университет. В силу внешних обстоятельств временной лакуной является лишь 1825 г.

Сам же «Дневник» А. В. Никитенко, по мнению его исследователей, это не исповедь, хотя автор много внимания уделяет мыслям «о возделывании самого себя»... и не «повествование» о жизни»⁵⁷. «Дневник» — это наследие А. В. Никитенко и одновременно попытка ответить на полемику о «судьбе России, ее культуры и истории»⁵⁸.

«Дневник» для А. В. Никитенко являлся своего рода буфером между реальным миром и миром внутренним, поскольку реалии николаевского правления не позволяли открыто выражать собственные позиции, которые

⁵⁴ Центральный Государственный Исторический Архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА) Ф. 14. Оп. 1 № 4619: Служба профессора Никитенки, 1843 г. Оп. 3. №5592: О возложении наблюдения за практическими упражнениями казенных студентов на ординарных профессоров Шульгина, Чижова, Грефе и Никитенко, 1836г.

⁵⁵ Галиуллина Д. М. Проблема изучения мемуаров в отечественной исторической мысли.

Ученые записки Казанского Университета. Гуманитарные науки. Т.128. Казань, 2006. № 4. С.41.

⁵⁶ Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе и о том "чему свидетель в жизни был"...

⁵⁷ Краснов Г. В. при участии Щемелевой Л. М. Никитенко // Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. Т. 4. М-П. М.: Изд-во: Большая российская энциклопедия, 1999. С.301.

⁵⁸ Краснов Г. В. при участии Щемелевой Л. М. Никитенко // Русские писатели... С.301.

хотелось зафиксировать хотя бы для себя. Дневник, по мнению исследователей, может играть роль заместителя «тех психологических содержаний сознания, которые не нашли своего выражения в других формах». Он «компенсирует неудовлетворенную потребность человеческой души в самовыражении»⁵⁹.

Так О. Г. Егоров отмечает, что для дневниковых записей 1826-1861 гг. характерен «взгляд из служебного кабинета и студенческой аудитории», при этом автор дневника «еще не в состоянии охватить многообразие событий в стране и за ее пределами и придать им некоторый обобщающий смысл»⁶⁰. В то же время «Дневник» наполнен огромным количеством событий, сюжетов и происшествий. А. В. Никитенко, находясь «в самой гуще литературных и общественных событий Петербурга, был хорошо осведомлен о многом существенном и важном, совершавшемся за его пределами»⁶¹, целенаправленно и каждодневно заносил по несколько раз в день в «Дневник» подробное описание произошедшего за день, а также свои переживания и суждения по поводу произошедшего.

Подобная эмоциональность и в то же время разрозненность записей присущи дневникам, синхронным источникам, где отсутствует сюжет повествования и характерна одномоментность, «записи, сделанные непосредственно после событий в дневнике, фиксируют многие мелкие тонкости и детали, со временем стирающиеся в памяти»⁶².

Однако есть достаточно оснований полагать, что «Дневник» А. В. Никитенко предназначался для публики, поскольку, как говорилось выше, им была предпринята попытка отредактировать собственные записи. (т. 1, с. 2). Кроме того, А. В. Никитенко в завещании предписывает дочерям поступить с «Дневником», исходя «из чувства общественного долга», но при этом запрещая распространять оригиналы записей за пределы семьи.

⁵⁹ Егоров О. Г. Дневники русских писателей XIX века. Исследование. Изд-во Флинта, 2002. С.47.

⁶⁰ Там же. С.49.

⁶¹ Айзеншток И. Я. Дневник А. В. Никитенко // Никитенко А. В. Дневник. 1826-1857. М.: Гослитиздат, 1955. Т.1. С.5.

⁶² Павловская С.В. Дневники и воспоминания отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX - начала XX вв. Автореф. дисс. канд. фил. наук. Новгород, 2006. С.6.

Попытка А. В. Никитенко структурировать свои записи не была окончена, что в действительности представляет множество преимуществ. «Дневник» А. В. Никитенко позволяет увидеть неподдельную реакцию пишущего на события, рассмотреть внутренний мир человека XIX в., восстановить ускользающие детали прошлого. Не менее ценно, что «Дневник» А. В. Никитенко представляет нам наиболее обстоятельное и хронологически подробное описание разноплановых событий, происходивших вокруг столичного университета и в нем самом на протяжении десятилетий⁶³.

Сам по себе факт ведения дневниковых записей свидетельствует об определенном общественном положении и личностном развитии автора, поскольку «развитие мемуаристики...подчинялось общим закономерностям развития духовной культуры...Рост национального самосознания, подъем общественной активности...привели к усилению интереса к истории, к внутреннему миру отдельной человеческой личности»⁶⁴. В этом отражается изменение положения российской интеллигенции, которая находилось в поиске новых идей и путей решения общенациональных проблем: крепостничества, определения места науки и образования в обществе, границ свобод и прав гражданина. В конечном счете А. В. Никитенко отказывался принимать государственные утилитарно-полицейские установки относительно образования, и своей позицией отображая переход от «приходской культуры» взаимодействия с властью к «культуре участия»⁶⁵.

О. Г. Егоров указывает на особенности образа автора в «Дневнике»: «В его основу положен некий абстрактный идеал, с которым Никитенко соизмеряет свое авторское я...Исходя из данного идеала, Никитенко лично для себя делает два вывода: 1) своеобразие судьбы ставит его в совершенно особое положение среди людей его круга и 2) побуждает перенести главную работу из внешней

⁶³ Булгакова Л.А. Мемуары как источник по истории университетов... С.193-194.

⁶⁴ Там же. С.193.

⁶⁵ Галиуллина Р. Х. Кризис университетской автономии в России: 1840-е – начало 1860-х годов. Уроки истории - уроки истории СПб.: Нестор-история, 2012. С.283.

сферы во внутренний мир»⁶⁶. Возможно, это частично объясняет смирение с противоречиями внутренних установок и внешнего государственного устройства, которое так резко изобличал А. В. Никитенко на страницах своего «Дневника». Как замечает И. Я. Айзеншток: «...перед нами характерная для Никитенко...черта: настойчивое стремление поднять...любую принятую на себя работу до уровня высокого гражданского долга и нравственного подвига»⁶⁷.

Первое издание «Дневника» А. В. Никитенко увидело свет без редакторского вмешательства самого автора. Оно выходило по частям в журнале «Русская старина» М. И. Семевского, начиная с 1888 по 1892 гг. При этом дочь профессора Софья вносила некоторые корректировки, определенная редакция текста была произведена М. И. Семевским. Как отмечалось современниками: «...расчетливый Михаил Иванович Семевский крошил эти главы уже на слишком гомеопатические приемы, отчего страдала цельность впечатления и выводов. Но Дневник возбуждал, всетаки, огромный интерес»⁶⁸. В 1893 г. вышло полное собрание автобиографических текстов А. В. Никитенко в виде трехтомника. В 1905 г. появилось новое издание дневника под редакцией М. К. Лемке, однако оно не состоялось по политическим причинам. В целом, «Дневник» вызвал широкий интерес публики и привлек «внимание самых широких читательских кругов»⁶⁹.

Если говорить об информативности «Дневника» А. В. Никитенко, то можно согласиться с его публикаторами – М. К. Лемке и И. Я. Айзенштоком, писавшими о высокой степени достоверности текста.

Научная новизна исследования определяется тем, что впервые за основу интерпретации университетской истории был взят эго-документ такого масштаба как «Дневник» А. В. Никитенко, наполненный большим количеством фактологического материала и характеристиками отдельных лиц и событий.

⁶⁶ Егоров О. Г. Дневники русских писателей XIX века. Исследование. Изд-во Флинта, 2002. С.55.

⁶⁷ Айзеншток И. Я. Дневник А. В. Никитенко // Никитенко А. В. Дневник. 1826-1857. М.: Гослитиздат, 1955. Т.1. С.8.

⁶⁸ Зотов Р. М. Либеральный цензор и профессор пессимист... С.195.

⁶⁹ Айзеншток И. Я. Дневник А. В. Никитенко // Никитенко А. В. Дневник. 1826-1857. М.: Гослитиздат, 1955. Т.1. С.6.

Такой фокус внимания помогает сосредоточиться на антропологическом измерении университетской истории, истоках социальных, правовых, межличностных конфликтов в столичном университете, представить историю дореформенного университета как поле взаимодействий преподавателей и студентов, профессоров и администраторов просвещения. Документальное отражение социальной истории университета в эго-документах периода «мрачного семилетия» и подъема студенческого движения второй половины 1850-х гг. также анализируется впервые.

Структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Глава I. Профессорская карьера А. В. Никитенко и ее отражение в «Дневнике» и других источниках

§1. Юность А. В. Никитенко и становление личности

Путь А. В. Никитенко к профессуре и вообще в университет был отягощён, казалось бы, непреодолимым сословным барьером – крепостным состоянием. Однако, что было весьма нетипично, вопрос о крепостной зависимости был разрешен в пользу А. В. Никитенко. О детстве и отрочестве А. В. Никитенко, проведенных в крепостном состоянии, существенно меньше информации нежели о последующей карьере, принесшей ему статус профессора, академика и действительного тайного советника⁷⁰. Основным источником жизнеописания доуниверситетского этапа А. В. Никитенко являются его собственные воспоминания. Некоторые сведения, почерпнуты из первичной историографии⁷¹.

По рождению А. В. Никитенко был приписан к сословию крепостных крестьян графа Н. П. Шереметьева⁷². Местом его рождения было село Удеревка Воронежской губернии, большую часть населения которой представляли малороссы (украинцы), которым был и сам А. В. Никитенко⁷³. В его воспоминаниях мы можем встретить подробности быта украинцев: «Живо помню я этот скромный приют моего детства – хорошенький малороссийский домик с двумя чистыми комнатами, кухней и кладовой»⁷⁴, «угощение "добрых людей", как симптом общего малороссийского гостеприимства»⁷⁵.

Важно отметить, что в записях относительно раннего периода жизни у А. В. Никитенко прослеживается национальный антагонизм. А. В. Никитенко периодически делает акцент на различиях между «москалями» и украинцами в пользу последних. Как пишет автор, «малороссияне, по крайней мере, тогда выказывали гораздо больше склонности к учению, чем великороссы»⁷⁶.

⁷⁰ Очерки по истории Ленинградского университета. Т.4. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. С.148.

⁷¹ Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования. СПб.: Тип. В. Безобразова и ком., 1870. Примечания. С.29.

⁷² Там же. С.29.

⁷³ Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе... С.3.

⁷⁴ Там же. С.13.

⁷⁵ Там же. С.14.

⁷⁶ Там же. С.13.

Смешение национальных типов оценивалось как утрата национальных достоинств. Мемуарист пишет о своих знакомых: «То были малороссияне выродившиеся, или, как их называли в насмешку, *перевертки*, успевшие усвоить себе от *москалей* одни только пороки»⁷⁷. А. В. Никитенко делает нелюбимые замечания относительно быта и менталитета великорусского населения края, с грустью отмечая: «Теснота, чад, московская неопрятность, недаром вошедшая в поговорку у малороссиян, наконец, присутствие тут же, в избе, домашнего скота – все это производило безотрадное впечатление и вызывало брезгливость»⁷⁸.

Отец мемуариста, Василий Михайлович Никитенко, родом из крепостных, удачно попав в певчие в подростковом возрасте, был отправлен «в Москву в графскую капеллу. При ней была школа, и бойкий хохол быстро выучился не только грамоте, но и французскому языку»⁷⁹. Вернувшись из Москвы в г. Александров, отец А. В. Никитенко благодаря полученному образованию занял должность старшего писаря в вотчинной конторе. С этого периода было положено начало конфликту, не прекращавшегося до самой кончины Василия Михайловича в 1820 г., – между его культурными запросами образованного человека и его статусом и положением крепостного. Как пишет А. В. Никитенко, «отделившись не только умственно, но и нравственно из окружающей его среды, он начал бороться с ее неурядицей»⁸⁰. Пытаясь жить согласно своим внутренним правилам, Василий Михайлович вынужден был постоянно находиться во вражде с людьми, имевшими и власть, и полезные связи, вследствие чего он и всего его семейство подвергалось притеснениям. Постоянные странствия подкреплялись финансовыми проблемами – все детство и отрочество А. В. Никитенко окружала бедность, «будущий тайный советник ходил босиком, в одной рубашке»⁸¹, и лишь изредка, небольшими периодами семье удавалось справиться с денежными

⁷⁷ Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе... С.6.

⁷⁸ Там же. С.16.

⁷⁹ Зотов Р. М. Либеральный цензор и профессор пессимист... С.198.

⁸⁰ Там же. С.198.

⁸¹ Там же. С.198.

трудностями. Так скудность положения родителей, их бесправное состояние было навсегда запечатлены в памяти будущего профессора и действительного тайного советника.

Дневниковые записи А. В. Никитенко демонстрируют, насколько глубоко задевало его собственное бесправное положение. Ужас охватывал его при столкновении с людьми, облеченными властью. Так, А. В. Никитенко комментирует вынужденный визит к квартальному с просьбой отца, заключенного в тюрьму, о переводе его в более чистое помещение: «Можно себе представить, с каким страхом направился я теперь с поручением отца к одному из этих блюстителей порядка, которые...были на самом деле гораздо больше представителями произвола и насилия»⁸². Следующее поручение представляло для А. В. Никитенко еще большее испытание – ему предстояло передать письмо лицу уже более высокопоставленному – Воронежскому губернатору. Как пишет мемуарист, «опять разыгралось мое воображение и стало рисовать ряд страшных картин: сенатор на меня кричит, топает ногами, приказывает слугам гнать, и в заключение – меня тоже упрячивает в тюрьму... Ведь все возможно с таким маленьким, ничтожным существом, как я!»⁸³.

Отец стремился дать А. В. Никитенко должное образование, однако в силу обстоятельств учение его носило чаще бессистемный характер. Василий Михайлович практически все время был занят работой, мать же его, безграмотная крестьянка, была не в состоянии направлять сына в учебе⁸⁴. В 1812 г. А. В. Никитенко поступил в Воронежское уездное училище, однако уровень преподавания и знаний в таких училищах его не удовлетворял⁸⁵. Но что важно – различие социального положения учеников здесь сходило на нет. Как пишет А. В. Никитенко, «на одной и той же скамье часто рядом сидели: сын секретаря и даже советника палаты и сын крепостного человека; мальчик из богатого

⁸² Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе... С.45.

⁸³ Там же. С.46.

⁸⁴ Там же. С.20.

⁸⁵ Там же. С.37.

купеческого дома...и бедняк в дырявом сюртучишке»⁸⁶. Иерархия среди учеников строилась по принципу не происхождения и достатка, а по их успешности в учебе. Мемуарист так пишет об этом: «...Дети в школе охотно братались, и незаметно было между ними ни чванства с одной стороны, ни зависти с другой. Преимущество оставалось за теми, которые лучше учились»⁸⁷. А. В. Никитенко занимал лидерские позиции в классе⁸⁸, и тогда же впервые ему были поручены цензорские обязанности (контроль за поведением учеников и ведение списка провинившихся), они перешли ему от ученика, совершившего проступок и соответственно лишившегося их⁸⁹.

Уездное училище еще более развило увлечение А. В. Никитенко литературой⁹⁰. Литература начала формировать его взгляды, в частности, тягу к идеализации и его жизненные принципы. В это время А. В. Никитенко были прочтены Плутарх, Сократ, Монтескье, Вольтер, увлекался он и романами.

В период обучения в училище участие в судьбе А. В. Никитенко принял один из его учителей Александр Иванович Морозов, который абсолютно безвозмездно занимался с ним частными уроками⁹¹, а затем вместе с уездным смотрителем Николаем Лукьянович Грабовским решился прибегнуть к подлогу, чтобы открыть перед А. В. Никитенко двери в гимназию после окончания им училища в 1815 г.⁹². Планировалось в аттестате об окончании училища не указывать крепостное состояние А. В. Никитенко, а в ведомости об успехах, подаваемой директору гимназии при поступлении, отметить А. В. Никитенко как сына коллежского регистратора⁹³. Однако А. В. Никитенко не решился прибегнуть к подлогу.

Таким образом, возможности продолжить образование для А. В. Никитенко не существовало, что стало сильнейшим ударом «трезвой действительности». Он

⁸⁶ Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе... С.81.

⁸⁷ Там же. С.41.

⁸⁸ Там же. С.37.

⁸⁹ Там же. С.81.

⁹⁰ Там же. С.41.

⁹¹ Там же. С.43.

⁹² Зотов Р. М. Либеральный цензор и профессор пессимист... С.203.

⁹³ Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе... С.49.

писал: «Вот в таких-то случаях особенно восставала передо мной, во всей своей чудовищной наготе, несправедливость моего общественного положения. Оно закрыло мне доступ в гимназию и продолжало закрывать дальнейшие пути к знанию, к свету»⁹⁴. Это чуть было не довело молодого человека до гибели, как он сам с горечью признавал: «Нет, никто и ничто не может передать тех нравственных мук, путем которых шестнадцатилетний юноша, полный сил и, надо сказать, мужества, дошел до мысли о самоубийстве и в ней одной нашел успокоение»⁹⁵.

Однако, несмотря на удары судьбы, отец юноши до конца не переставал надеяться на удачный для него исход и возлагал на сына «большие надежды»⁹⁶. Так будучи в крайней нужде, отец отказался от предлагаемой его сыну должности сельского писаря. Как писал сам мемуарист, «отцу предлагали определить меня куда-то сельским писарем...Он, не без основания, боялся, чтобы я там не заглох умственно и не был навсегда оторван от будущности, в которую он, вопреки обстоятельствам, упорно продолжал верить для меня»⁹⁷. Таким образом, формировалось понимание А. В. Никитенко ценности просвещения⁹⁸.

Влияние на воспитание А. В. Никитенко оказывала и его мать. Он вспоминает: «О нравственности моей, правда, до некоторой степени заботилась мать, и я, конечно, ей обязан первыми понятиями о чести и долге»⁹⁹. С ней были связаны самые теплые и добрые воспоминания о детстве и отрочестве.

В мемуарах А. В. Никитенко отражены нравы и быт провинциального населения: деспотичная помещица Авдотья Борисовна Александрова, которая «собственноручно колотила скалкою свою любимую горничную, Пелагею... всех своих девушек секла она крапивою»¹⁰⁰, корыстолюбивые мещане села

⁹⁴ Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе... С.62.

⁹⁵ Там же. С.62.

⁹⁶ Там же. С.20.

⁹⁷ Там же. С.55.

⁹⁸ Краснов Г. В., Л. М. Щемелева Никитенко А. В // Русские писатели... С.297.

⁹⁹ Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе... С.25.

¹⁰⁰ Там же. С.11.

Алексеевки («надутые своим богатством, они презирали низших»¹⁰¹), переносимые семьей тяготы – все эти российские провинциальные ландшафты повлияли на мировосприятие А. В. Никитенко и заложили в нем острое чувство социальной несправедливости, явно прослеживающееся в дневниковых записях, часто наполненных злободневностью и изобличением современности.

Огромную положительную роль в формировании мировоззрения и личности А. В. Никитенко сыграло его окружение, которое не позволило ему закрыться в себе, давало силы продолжать самообразование и обучение, помогало не угаснуть вере в лучшее. Как он сам писал о соседях и близких, «их теплоту участию, гуманному забвению моего гражданского ничтожества...обязан я тем, что не изнемог в борьбе с судьбою, не утонул, так сказать, в самом себе»¹⁰². Это и жители деревни Чуриловки, куда А. В. Никитенко вместе со всей своей семьей был отправлен в ссылку, благодаря которым члены его семейства «не чувствовали себя одинокими в той мере, как этого можно было бы ожидать»¹⁰³. И помещик Андронов, прилагавший большие усилия в помощи семье А. В. Никитенко по возвращению на малую родину. Большую роль сыграло знакомство с образованным и добродушным семейством Татарчуковых¹⁰⁴, московскими преподавателями С. Ивашковским и М. Беляковым при переезде в Богучарский уезд в поисках работы. Вероятно, без этого общества А. В. Никитенко представлял бы совершенно иной тип человека XIX в.

Но наибольшее влияние на А. В. Никитенко имело окружение, сформировавшееся в Острогожске, куда после завершения обучения в Воронежском уездном училище он окончательно перебрался из-за переезда в этот город всего его семейства в связи с новой работой отца. К этому времени А. В. Никитенко было 14 лет – на него уже смотрели как на взрослого самостоятельного человека – ему была предложена работа частного учителя¹⁰⁵.

¹⁰¹ Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе... С.6.

¹⁰² Там же. С.57.

¹⁰³ Там же. С.16.

¹⁰⁴ Там же. С.29.

¹⁰⁵ Там же. С.56.

Однако эта работа носила не совсем законный характер: статус крепостного не предполагал права на учительство. С печалью А. В. Никитенко признавал: «Меня только терпели, а я, собственно говоря, не имел никакого права учить, тем более заводить школу»¹⁰⁶. Так столкнувшись с одним из местных учителей, произнесшим разоблачительную речь относительно его преподавания, А. В. Никитенко мрачно признает: «Сам я был глубоко огорчен, но не столько обидою, нанесенною мне, сколько сознанием горькой правды, послужившей к ней поводом... Нет, не его надобно винить, а мою злую судьбу!»¹⁰⁷.

Священник Симеон Сцепинский, предводитель дворянства Острогожского уезда Василий Тихонович Лисаневич – один из главных покровителей А. В. Никитенко, купец Василий Алексеевич Должников, дворянин Владимир Иванович Астафьев, смотритель училища Федор Федорович Ферронский – все эти люди оказали большое влияние в становлении мальчика-подростка. «Общество таких людей, их ласка, гостеприимство еще больше подстрекали во мне стремление к самообразованию...Книгами меня наперерыв снабжали друзья и покровители», – пишет мемуарист¹⁰⁸.

Рекомендательное письмо, изменившее ход жизни А. В. Никитенко, было составлено и отправлено именно В. И. Астафьевым и не кому иному, как министру народного просвещения А. Н. Голицыну с просьбой поспособствовать поступлению А. В. Никитенко в университет. Поводом к этому послужило массовое открытие отделений Библейского общества по всей России, секретарем которого в Острогожске и стал А. В. Никитенко. На открытии отделения Библейского общества в 1824 г. он прочел речь, текст которой в подтверждении способностей А. В. Никитенко и прилагался к письму В. И. Астафьева.

С этого момента ситуация для А. В. Никитенко оборачивается достаточно нетипично для человека его сословия. Больших усилий стоило для князя А. Н. Голицына и людей, помогавших ему: В. И. Рылеева, экспедитора канцелярии Шереметева – Мамонтова, А. М. Муравьева, добиться положительного исхода и

¹⁰⁶ Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе... С.80.

¹⁰⁷ Там же. С.81.

¹⁰⁸ Там же. С.61-62.

получить для него от графа Д. Н. Шереметева «отпускную», необходимую для поступления в университет. Однако все предпринятые усилия были не напрасны, и сторонникам А. В. Никитенко 11 октября 1824 г. удалось добиться подписания «вольной» для молодого человека. Переполненный эмоциями А. В. Никитенко пишет: «Я отказываюсь говорить о том, что я пережил и перечувствовал в эти первые минуты глубокой, потрясающей радости»¹⁰⁹. «Великодушный вельможа выдал ему при отпускной сто рублей ассигнациями»¹¹⁰, – указывает А. И. Богданович. Таким образом, перед А. В. Никитенко открывалась столь долгожданная возможность поступления в университет.

Условия поступления в университет в первой четверти XIX в. были достаточно демократичными – требовался лишь документ об освобождении от подушного оклада, для крепостных же необходима была «отпускная» от помещика. В результате социальный состав универсантов был достаточно разнородным, как и состав мемуаристов, отражающих ранний период истории университета, – от бывших крепостных (А. В. Никитенко, М. П. Погодин) до титулованных особ (граф В. А. Соллогуб, князь А. М. Дондуков-Корсаков)¹¹¹.

¹⁰⁹ Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе... С.98.

¹¹⁰ Богданович А. И. Никитенко как представитель обывательской философии приспособляемости. Сборник критических статей. Спб.: Изд-во Мир божий, 1908. С.10.

¹¹¹ Булгакова Л.А. Мемуары как источник по истории университетов... С.201.

§ 2. А. В. Никитенко – студент

С момента получения отпускной грамоты и поступления в 1825 г. на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, «без экзамена, но с обязательством выдержать его при переходе во второй курс»¹¹², начинается совершенно иная жизнь А. В. Никитенко: изменился его правовой статус, социально-культурная среда, социальное положение.

Однако из-за знакомства с участниками декабристского восстания – К. Ф. Рылеевым и Е. П. Оболенским, устроившим нуждающегося А. В. Никитенко воспитателем своего младшего брата, он попал под следствие. В связи с этим записи А. В. Никитенко за 1825 г. отсутствуют, так как, вероятно, были уничтожены.

Снятию с себя подозрений А. В. Никитенко обязан позиции генерала В. В. Левашова, ведущего расследование дела декабристов и определившего непричастность А. В. Никитенко, что позволяло ему беспрепятственно продолжить обучение в университете. А. И. Богданович же, один из первых обратившихся к биографии А. В. Никитенко, указывает на «спасительное» в данных обстоятельствах знакомство с Я. И. Ростовцевым: «Но его спасло знакомство с Я. И. Ростовцевым, которому пришлось сыграть довольно определённую роль в этом деле»¹¹³.

Однако для А. В. Никитенко-студента оставалась острой финансовая проблема. Вследствие этого обучение в университете он совмещал с преподаванием уроков в доме госпожи Штерич, что не было распространённым явлением среди студентов того времени – большей частью бедные студенты относились к казеннокоштным универсамтам и находились на полном содержании¹¹⁴. Однако А. В. Никитенко был категорично настроен против зачисления в казеннокоштные студенты, поскольку это предполагало официальное распределение по окончанию курса. Как он писал, «что же касается переговоров с попечителем, боюсь, чтобы они не привели к тому результату,

¹¹² Богданович А. И. Никитенко как представитель обывательской философии приспособляемости... С.10.

¹¹³ Там же. С.10.

¹¹⁴ Казакова К. С Студенчество Петербургского университета в первой половине XIX в... С.18.

который мне так неприятен, а именно: опять-таки к предложению принять меня в число казенных студентов. Все – лучше этого» (т. 1, с. 38. Здесь и далее ссылки на основной источник приводятся с указанием тома и страниц в круглых скобках).

Уроки в доме госпожи Штерич до конца так и не решали финансовую проблему. А. В. Никитенко описывает в августе 1826 г. свое положение: «Принужден был продать несколько книг, чтобы запастись чернилами, бумагою и перьями...они составляли все мое имущество, и ими пришлось пожертвовать необходимости»¹¹⁵. Финансовое состояние студента несколько улучшилось после устройства секретарем попечителя Санкт-Петербургского учебного округа К. М. Бороздина в 1826 г. благодаря хорошим отношениям с чиновником Департамента Министерства народного просвещения Д. И. Языковым.

Однако, несмотря на жизненные обстоятельства и стеснения, учеба на протяжении всех трех лет была для А. В. Никитенко самым приоритетным занятием и протекала достаточно успешно. Какого труда ему стоила учеба, наглядно демонстрирует его расписание: «...встаю в пять, иногда в шесть часов, никогда позже. В дни, определенные для лекций, иду в университет, возвращаюсь домой в 12 часов, записываю лекции или читаю сочинения» (т. 1, с. 13). Но в своих дневниковых записях А. В. Никитенко часто отзывается об уровне своей подготовленности достаточно критически. Самокритика является одной из основных черт личности А. В. Никитенко, а завышенные требования к себе и другим определяют ту позицию А. В. Никитенко и тот образ университета, что создается на страницах его «Дневника».

Что касается студенческой среды, в которой оказался А. В. Никитенко, то на основании «Дневника» можно представить отношения среди универсантов. А. В. Никитенко весьма успешно интегрировался в социальную среду студенчества, большую роль в университетской жизни для него играли дружественные связи: с А. И. Чивилевым, Армстронгом, Михайловым и Линдквистом. Так характеризует А. В. Никитенко одного из своих друзей Линдквиста: «Он,

¹¹⁵ Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе... С.22.

должно быть, до конца жизни останется только великим мечтателем» (т. 1, с. 10). Определяющим в оценке своих студенческих товарищей является «та духовно-нравственная доминанта, которую Никитенко называет «высшими потребностями духа» и которая служит фундаментом его мировоззрения и своеобразной философией жизни»¹¹⁶. Закономерно, что студенческое окружение А. В. Никитенко отличалось своим широким социальным составом: от достаточно обеспеченных студентов, например, Михайлова (т. 1, с. 28) или Армстронга (т. 1, с. 122), до таких же мало привилегированных, как и сам А. В. Никитенко – А. И. Чивилева

Дружественные связи, теплое отношение к товарищам А. В. Никитенко сохранял на протяжении всей жизни. Как пишет сам мемуарист по пришествии пятнадцати лет после окончания университета о своих друзьях, «еще между нами есть некоторая сердечная связь» (т. 1, с. 209).

Источник отражает состояние студенческой корпорации второй половины 1820-х гг., когда она была достаточно малочисленна. Студентов, поступивших в 1825 г., было всего 23 человека. В 1828 г. поступило 48 человек, а общая численность обучающихся в столичном университете во время студенчества А. В. Никитенко не превышала 90 человек¹¹⁷. Сплоченность столь малочисленной студенческой корпорации также была малоразвита.

Таким образом, несмотря на свою принадлежность к состоянию помещичьих крестьян и почти непреодолимые барьеры на пути поступления в университет, оказавшись в университетской среде, А. В. Никитенко более не ощущал себя «изгоем», а классовый антагонизм, который прежде он обостренно чувствовал, постепенно нивелировался (т. 1, с. 14). Также нивелировались в стенах университета и национальные различия: с момента поступления в университет на страницах его «Дневника» мы больше не услышим противопоставлений русских «малороссиянам» или «немцам». Национальность для А. В. Никитенко больше не играла прежней роли, что обуславливалось как

¹¹⁶ Егоров О. Г. Дневники русских писателей XIX века... С.53.

¹¹⁷ Воронов А. С. Историческо-статистическое обозрение учебных заведений С. Петербургского учебного округа с 1829 по 1853 год. Спб.: Тип. Якова Трея, 1855. С.49.

большим расстоянием от малой родины, так и обретением новой идентичности – университетской¹¹⁸.

Благодаря академическим успехам, первым публикациям и, вероятно, протекции попечителя К. М. Бороздина, А. В. Никитенко, одному из немногих студентов Петербургского университета в 1827 г. было предложено отправиться за границу, в Париж, и там продолжить занятия филологией. По окончании научной командировки он мог рассчитывать получить профессию в одном из университетов Российской империи¹¹⁹. Но А. В. Никитенко вынужден был отказаться от поездки, так как вернувшиеся из-за границы студенты обязывались прослужить 14 лет в звании профессора по назначению правительства, что отзывалось в нем воспоминаниями о крепостничестве. Так резюмировал он свое решение: «Я люблю науку и жажду познаний, но... не могу помириться ни с чем, что хоть сколько-нибудь *отзывает закрепощением* себя. Раны от неволи еще слишком свежи во мне» (т. 1, с. 52).

Важным представляется рассмотреть взаимоотношения А. В. Никитенко-студента и с профессорской корпорацией. Многих своих преподавателей: Н. И. Бутырского, Я. В. Толмачева, Е. Ф. Зябловского, Ф. Б. Грефе, протоиереев В. Б. Бажанова и Г. П. Павского, - он характеризует с чувством признательности. А. В. Никитенко пишет: «...Настоящее для меня скрашено расположением профессоров» (т. 1, с. 14). Философ А. И. Галич даже безвозмездно допускал А. В. Никитенко к своим приватным лекциям, хотя ему «не под силу заплатить за курс 300 руб., как платят другие его слушатели» (т. 1, с. 55). Хорошие взаимоотношения сложились у А. В. Никитенко и с деканом факультета М. А. Пальминым (т. 1, с. 12). К некоторым профессорам А. В. Никитенко был вхож в дом. Схожую картину отеческих взаимоотношений профессоров к студентам мы наблюдаем и через несколько десятков лет после окончания А. В. Никитенко университета. Так П. П. Семенов-Тянь-Шанский, учившейся в 1845-1849 гг.,

¹¹⁸ Костина Т. В. Мир университетского профессора Казани... С.15-16.

¹¹⁹ Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе... С.52.

упоминает в своих воспоминаниях: «Со всеми упомянутыми профессорами у меня образовались самые близкие отношения»¹²⁰.

Но в то же время А. В. Никитенко отмечает в целом низкий уровень преподавания второй половины 1820-х гг., критикуя профессоров за недостаточную информативность и неубедительность излагаемого (т. 1, с. 32). Схожие проблемы определяет и другой мемуаристов, учившийся в университете в 1830-х гг. – Ф. Н. Фортунатов, сообщая что «...многие профессора приходили в аудиторию спустя полчаса, а иные уходили из аудитории ранее положенного получасом»¹²¹. Такое положение было более характерно для гуманитарных факультетов¹²².

¹²⁰ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Санкт-Петербургский университет (1845-1848 гг.) // Ленинградский университет в воспоминаниях современников под ред. Мавродина В. В. Т.1. Л.: ЛГУ., 1963. С.43.

¹²¹ Фортунатов Ф. Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете. Русский архив. 1869. С.309.

¹²² Жуковская Т. Н. Университеты и университетские традиции в России... С.75.

§ 3. Путь к профессуре: 1828-1849 гг.

После окончания курса в 1828 г. с ученой степенью кандидата (т. 1, с. 59) А. В. Никитенко поступило сразу несколько предложений о занятии преподавательской должности – от Демидовского училища в Ярославле (т. 1, с. 67), от содержателя частного дворянского пансиона Курнанда (т. 1, с. 69). Однако начал свою карьеру он в Екатерининском институте, поскольку принципиальным был вопрос о проживании в Петербурге. Важным приоритетом в карьере для А. В. Никитенко являлась плодотворная научно-просветительская деятельность, которую он мог продолжать, находясь в столице (т. 1, с. 52).

Через 4 года – в 1832 г., А. В. Никитенко был приглашен в alma-mater на должность адъюнкта кафедры русской словесности. Этому предшествовали попытки получить место адъюнкта на кафедре естественного частного и публичного права, которую тогда занимал Н. И. Бутырский¹²³. Эта попытка закончилась неудачей по причине личной неприязни со стороны ректора А. А. Дегурова. Была значительна осложнена и попытка занять кафедру политической экономии. О причине этого А. В. Никитенко записывает в дневнике: «Министр и без академии почти открыто дал заметить вчера попечителю, что обходит меня адъюнктом только потому, что я не немец» (т. 1, с. 92). А. В. Никитенко очень болезненно переносил карьерные неудачи. «Я думал, что уже достиг берега, а на деле выходит, что опять брошен в пучину политического и общественного хаоса. Самое адъюнкство мне, наконец, опротивело. Точно оно не право мое, а милость, мне оказываемая», - пишет он в 1832 г. (т. 1, с. 92).

Однако в итоге ситуация разрешилась в пользу А. В. Никитенко, чему способствовал К. М. Бороздин, покровительствующий ему. Как писал мемуарист: «Я обязался попечителю еще несколько дней не предпринимать ничего решительного» (т. 1, с. 92), и через несколько дней А. В. Никитенко «утвердили в звании адъюнкт-профессора политической экономии» (т. 1, с. 93).

Здесь стоит отдельно упомянуть о личности тогдашнего ректора – А. А. Дегурова, действия которого и являлись причиной той ситуации, в которой

¹²³ Айзеншток И. Я. Дневник А. В. Никитенко... С.9.

оказался А. В. Никитенко. Сама фигура А. А. Дегурова была достаточно неоднозначный – француз, «неговорившей по-русски»¹²⁴. До ректорства будучи преподавателем всеобщей истории, А. А. Дегуров не отличался особыми успехами, «план его истории представлял отдельные взгляды...без строгого их сцепления»¹²⁵. А. А. Дегуров получил должность в результате ухода М. А. Балугьянского из-за «дела профессоров» 1821 г., которое представляло собой противостояние двух традиций: «университетской корпоративности и российской традиции подчинения»¹²⁶. Примечательно, что модель корпоративности была продемонстрирована молодыми иностранными учеными и теми из русских, кто проходил обучение за границей, в то время как модели покорности следовали «возрастные» преподаватели, в том числе иностранцы. Как пишет Т. Н. Жуковская, «...нашлись люди, способные мыслить несервильно (Д. С. Чижов, М. Г. Плисов), а среди иностранцев — покорно подыгрывающие власти и не понимающие правил профессиональной этики (А. А. Дегуров)»¹²⁷.

Благодаря «делу профессоров» А. А. Дегурова ожидало продвижение по карьерной лестнице, что привело к тому, что «Дегуров трижды становился ректором, преследуя не столько интересы университета, сколько личные выгоды»¹²⁸, что негативно сказалось на университетской корпорации. В последующие годы «немецкая фракция» преподавателей Петербургского университета в 1820-х гг. держалась замкнуто, избегая контактов с остальными и не допуская других в свой круг. Это затрудняло адаптацию новых преподавателей, приводило к замкнутости»¹²⁹.

Официальный историк университета резюмировал причины долгого пути к профессорству для А. В. Никитенко таким образом, что он «шел не по своей дороге»¹³⁰. Однако столь тернистый путь к ожидаемой вакансии в университете

¹²⁴ Фортунатов Ф. Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете... С.307.

¹²⁵ Плетнев П. А. Первое двадцатипятилетие Императорского Санкт-Петербургского университета... С.59.

¹²⁶ Жуковская Т. Н. Университеты и университетские традиции в России... С.75.

¹²⁷ Там же. С.74-75.

¹²⁸ Жуковская Т. Н. Национальные группы в составе профессоров Санкт-Петербургского университета в начале XIX века // Ученые записки Волгоградского гос. университета. 2011. Сер. 4 (История). № 2 (20). С.6.

¹²⁹ Жуковская Т. Н. Университеты и университетские традиции в России... С.75.

¹³⁰ Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых 50 лет... С.90.

не помешал А. В. Никитенко в продвижении по карьерной лестнице. Через полтора года он был назначен экстраординарным профессором русской словесности¹³¹. Двадцатидевятилетний возраст А. В. Никитенко на тот момент являлся среднестатистическим и соответствовал общественным представлениям о карьерном продвижении профессоров¹³². Любопытно, что в тот момент А. В. Никитенко имел возможность (по должности цензора и пользуясь близостью к С. С. Уварову) советовать министру те или иные кандидатуры во время «кадровой реформы». Так он советовал: «отдать кафедру словесности не Галичу, а Плетневу. Последний гораздо для нее пригоднее», и совет этот был «уважен». При этом А. В. Никитенко понимал, что при сильных позициях П. А. Плетнева и его связях ему самому станет в будущем «труднее...достигнуть ординарного профессора, но дело от того выигрывает» (т. 1, с. 97). Так и случилось, и между получением А. В. Никитенко статуса экстраординарного профессора и занятием кафедры русской словесности прошло много лет.

В данной ситуации примечателен сам стиль управления нового министра просвещения С. С. Уварова. Как отмечают исследователи, «составы всех университетов...пересматривались путем индивидуального подбора и обсуждения каждой кандидатуры в переписке между попечителями учебных округов и министром С. С. Уваровым»¹³³. Стоит отметить и характер личных отношений между министром и А. В. Никитенко. Будучи знакомыми еще задолго до назначения С. С. Уварова и начала университетской службы А. В. Никитенко, последний в доме С. С. Уварова читал: «трем молодым людям русскую словесность и получал по 10 рублей» (т. 1, с. 59). Еще раньше А. В. Никитенко получил известность среди высшей бюрократии благодаря работе над цензурным уставом 1828 г. и примечаниями к нему. Эта работа, выполненная по

¹³¹ Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых 50 лет... С.99.

¹³² Костина Т. В. Карьера в университете, или сколько лет должно быть профессору... С.265.

¹³³ Костина Т. В. Пересмотр кадрового состава русских университетов в 1835-1837 годах // Уроки истории - уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930-1996) СПб.: Нестор-история, 2012. С.235.

заданию К. М. Бороздина «сделала его в глазах начальства признанным знатоком цензурных дел»¹³⁴.

Уже через 4 года – в 1836 г., А. В. Никитенко будет доверено выступить на университетском акте с речью «О необходимости философского или теоретического изучения словесности»¹³⁵, что было серьезной ученой заявкой молодого словесника. Еще через несколько месяцев будет защищена его докторская работа под названием «О творческой силе в поэзии или поэтическом гении» (т. 1, с. 153). Отметим, что обязательное написание исследовательской работы являлось нововведением реформаторской деятельности С. С. Уварова¹³⁶. И А. В. Никитенко, как получившему должность профессора до введения нового устава, предстояло по общему распоряжению представить диссертацию для сохранения за собой статуса профессора.

В это же время А. В. Никитенко одновременно читает несколько разработанных им курсов: «Основания философского Языкоучения в приложении к отечественному языку, с критическим изложением развития и усовершенствования сего последнего», «Теория Прозаической словесности и Философия изящного и теория поэтической словесности»¹³⁷. В 1836 г. на А. В. Никитенко была возложена обязанность учебного надзора за студентами¹³⁸. В 1837 г. он разработал еще один большой курс российской словесности (т. 1, с. 238).

Важно рассмотреть преподавательскую деятельность А. В. Никитенко и его взаимоотношения со студенческой корпорацией. Добиться внимания студентов А. В. Никитенко стремился манерой преподавания и содержательностью лекций. Он писал в 1842 г.: «Вообще я в настоящее время пользуюсь расположением публики» (т. 1, с. 196).

¹³⁴ Айзеншток И. Я. Дневник А. В. Никитенко... С.9.

¹³⁵ Годи́чный торже́ственный акт в импера́торском Санкт-Петербу́ргском университе́те, быв́ший 8 февраля 1836 года. Спб., 1836.

¹³⁶ Костина Т. В. Пересмотр кадрового состава русских университетов в 1835-1837 годах... С.236.

¹³⁷ Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых 50 лет... С.128.

¹³⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1 № 4619 Служба профессора Никитенки, 1843 г. Оп. 3. №5592 О возложении наблюдения за практическими упражнениями казенных студентов на ординарных профессоров Шульгина, Чижова, Грефе и Никитенко, 1836 г. Л. 1-3.

Положительные отзывы о преподавании оставляли разные его слушатели. Так, один из студентов, Ф. Н. Фортунатов, характеризует А. В. Никитенко, как: «даровитого и красноречивого преподавателя»¹³⁹. Благосклонно отзывались о преподавательских способностях А. В. Никитенко и официальные источники¹⁴⁰. Л. Ф. Пантелеев в своих мемуарах упоминает успех А. В. Никитенко на благотворительных лекциях¹⁴¹. С благодарностью вспоминает А. В. Никитенко наряду с другими преподавателями А. М. Дондуков-Корсаков, учившийся в 1837-1841 гг.¹⁴². Мемуарист отмечает отеческую взаимосвязь профессоров со студенческой корпорацией, свойственную "семейному стилю" дореформенного университета. «В то время профессора нисколько не отделялись от нас, считая себя солидарными с нами»¹⁴³, – пишет А. М. Дондуков-Корсаков.

Однако не все мемуаристы оставляли в адрес А. В. Никитенко однозначно положительные отзывы. Острой критике подвергался А. В. Никитенко в воспоминаниях того же Л. Ф. Пантелеева. «Думал найти что-нибудь интересное у А. В. Никитенко; но его старческое шамканье «о прекрасном» ничего нового не дало против того, что я знал по гимназии», – писал Л. Ф. Пантелеев об университете в 50-х гг.¹⁴⁴. А. Н. Пыпин также отметит несостоятельность лекций А. В. Никитенко в последние годы его преподавания: «Собственно, история литературы на наших курсах не читалась, потому что А. В. Никитенко читал нечто вроде эстетики»¹⁴⁵. В нелюбимом портрете «филолога», представленного Д. И. Писаревым в саркастических записках, проглядывается сходство с А. В. Никитенко. Это «...филолог, у которого голова набита эстетикой и литературными теориями, филолог может целыми годами жить в своем ученом мире»¹⁴⁶. Л. Н. Модзалевский, учившийся в 1855-1859 гг., в своих мемуарах дает категоричную оценку всему преподавательскому составу

¹³⁹ Фортунатов Ф. Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете... С.338.

¹⁴⁰ Плетнев П. А. Первое двадцатипятилетие Императорского Санкт-Петербургского университета... С.81.

¹⁴¹ Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М. Т.1. 1958. С.231.

¹⁴² Дондуков-Корсаков А. М. Мои воспоминания. Спб., 1902-1903. С.8.

¹⁴³ Там же. С.8-9.

¹⁴⁴ Пантелеев Л. Ф. Воспоминания... С.140.

¹⁴⁵ Пыпин А. Н. Мои заметки. Вестник Европы. 1905. №3. С.58.

¹⁴⁶ Писарев Д. И. Наша университетская наука. Спб.: Изд-во Ф. Павленкова, 1863. С.55.

факультета: «...Учились мало. Хороших руководителей у нас не было, а начальству и многим профессорам мы не верили»¹⁴⁷. Как было отмечено И. Я. Айзенштоком, негативные отзывы были присуще представителям: «разночинной, демократической части студентов»¹⁴⁸.

В то же время А. В. Никитенко принимал практическое участие в студенческой академической самодеятельности второй половины 1850-х гг. во времена издания "Студенческих сборников" (1857, 1860 гг.) (т. 1, с. 30), участвовал в публичных благотворительных лекциях в пользу бедных студентов (т. 1, с. 73), являлся посредником в решении конфликтов между универсантами и администрацией (т. 1, с. 81), что отражало позиции части профессорской корпорации.

Сам А. В. Никитенко на протяжении буквально всего своего пребывания в университете с большим сожалением отмечал низкий уровень подготовленности студентов. Он пишет: «Мало молодых людей, которые были бы хорошо приготовлены» (т. 1, с. 179). В 1858 г. он отмечает в дневнике: «Экзамены... Большинство приготовлено дурно — неразвито, мало знаний...Но я, кроме самых негодных, никому не затворил дверей в университет при малом знакомстве с наукою у нас и то недурно, что будет побольше людей, которым она хоть сколько-нибудь западет в ум» (т. 1, с. 65).

Интересна в этой связи интерпретация поведенческих практик российский ученых, предложенная Н. И. Кузнецовой: пафос «Прогресса человеческого разума» и «Просвещения»¹⁴⁹, проистекающий из процесса «ассимиляции научной, исторической и философской мысли Запада»¹⁵⁰, перекликается с представлением о могуществе знания А. В. Никитенко¹⁵¹.

Плохая подготовленность среди абитуриентов отмечается и Д. И. Писаревым, поступавшим в университет в 1850-х гг.: «Вместе со мною

¹⁴⁷ Модзалевский Л. Н. Из педагогической автобиографии // Русская Школа. 1897. Т.3. № 3. С.24.

¹⁴⁸ Айзеншток И. Я. Дневник А. В. Никитенко... С.13.

¹⁴⁹ Кузнецова Н.И. Социо-культурные проблемы формирования науки в России (XVIII-середина XIX вв.). М.: Эдиториал УРСС, 1999. С.90.

¹⁵⁰ Там же. С.85.

¹⁵¹ Там же. С.79.

поступили в университет личности всякого разбора: были совершенные олухи...были молодые фаты, уже испорченные великосветским элементом; были юноши себе на уме; были юноши тупо-серьезные; были добрые ребята; были просто терпеливые ослы»¹⁵².

Из записей А. В. Никитенко так же становится известно, что студенческая корпорация была наполнена внутренними «локальными» конфликтами. Так он упоминает в ноябре 1858 г. о несостоявшейся дуэли среди универсантов: «Вот теперь поссорились два студента, и один вызвал другого на дуэль. Вызванный, говорят, отказался от дуэли, а за свою обиду взял деньги... Начальство узнало, разняло петухов и посадило их в карцер» (т. 2, с. 78). Как отмечает Л. Ф. Пантелеев будучи на тот момент студентом: «В корпоративном отношении положение студенчества за мое время отличалось поразительной неопределенностью»¹⁵³.

Что касается особенностей научной карьеры А. В. Никитенко в университете, то статуса ординарного профессора он достиг только в 1849 г. Таким образом, его путь от экстраординарного до ординарного профессора занял целых 16 лет. Благодаря описанию карьерных траекторий профессоров, предложенному Т. В. Костиной, мы можем говорить о нетипичности так надолго отложенного карьерного роста А. В. Никитенко, особенно учитывая его связи в министерстве народного просвещения¹⁵⁴. Т. В. Костина упоминает, что в 1830-х гг. самым молодым профессором Казанского университета был П. А. Дубовицкого, ставший ординарным профессором в 23 года в 1838 г. Выпускники Дерптского Профессорского института во второй половине 1830-х гг. также достаточно быстро продвигались по карьерной лестнице: И. Я. Горлов стал ординарным профессором в 26 лет, Н. А. Иванов – в 30 лет, П. И. Котельников – в 29 лет¹⁵⁵.

¹⁵² Писарев Д. И. Наша университетская наука... С.12.

¹⁵³ Пантелеев Л. Ф. Воспоминания... С.154.

¹⁵⁴ Костина Т. В. Карьера в университете, или сколько лет должно быть профессору...

¹⁵⁵ Там же. С.266.

Несмотря на то, что традиция соотношения определенного возраста с соответствующей должностью еще не была выработана, поскольку «в первой половине XIX века активно формировались представления о профессоре, в том числе о том, сколько ему должно быть лет»¹⁵⁶. На момент занятия кафедры А. В. Никитенко было 45 лет, возраст, существенно превосходящий медианные значения возраста профессоров по всем университетам. А. В. Никитенко оставалось всего несколько лет активной преподавательской деятельности, поскольку уже в 50 лет профессор считался пожилым, стареющим¹⁵⁷.

Причины отложенного на столь долгий срок получения кафедры русской словесности можно связать с тем, что эту кафедру с 1832 г. занимал П. А. Плетнев, бессменный ректор университета, пользовавшийся общественным влиянием и административным ресурсом, близкий ко двору. При нем А. В. Никитенко был всегда на вторых ролях. В 1849 г. П. А. Плетнев был назначен императорским указом на должность ректора по новому положению «О порядке избрания ректоров в университеты», пребывая в ней уже три срока – с 1840 г. по выбору на основании устава 1835 г.¹⁵⁸. По новому положению ректор не должен был занимать кафедры, но еще за год до назначения П. А. Плетнев завершил преподавательскую деятельность.

Одновременно вступив на кафедру русской словесности историко-филологического факультета, П. А. Плетнев и А. В. Никитенко: «разделили между собой историческую и теоретическую части»¹⁵⁹ преподавания истории отечественной словесности. П. А. Плетневу удалось достичь гораздо более высоких карьерных успехов, нежели А. В. Никитенко. Кроме того, П. А. Плетнев вместе с тем пользовался всеобщим расположением и почетом в самом университете, что отмечают и мемуаристы¹⁶⁰. Более высокую должность занимал

¹⁵⁶ Костина Т. В. Карьера в университете, или сколько лет должно быть профессору... С.269.

¹⁵⁷ Там же. С.269.

¹⁵⁸ Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819-1917 гг.). Биография Плетнева П. А. Спб. 2012. URL:

<http://bioslovhist.spbu.ru/person/843-pletnev-petr-aleksandrovich.html> (последнее посещение 11.05.2018).

¹⁵⁹ Плетнев П. А. Первое двадцатипятилетие Императорского Санкт-Петербургского университета. Историческая записка. СПб., 1844. С.79.

¹⁶⁰ Ленинградский университет в воспоминаниях современников... С.27, 44.

П. А. Плетнев и на цензорском поприще, о чем достаточно ревностно отзывался А. В. Никитенко. Так, он пишет о нем в 1845 г., когда П. А. Плетнев временно занимал пост председателя Петербургского цензурного комитета: «...только и делает, что занимается притеснением журналов, ему неприязненных, а они почти все ему неприязненны»¹⁶¹.

П. А. Плетнев так же обошел А. В. Никитенко в 1856 г. при назначении членом Главного правления училищ, совещательного органа при Министерстве народного просвещения. «Плетнев утвержден членом главного правления училищ. Так как я вместе с ним назначался в это звание, то выходит, что меня отвергли. Значит, вся эта процедура о назначении меня...была просто комедия», – с досадой пишет Никитенко (т. 2, с. 10).

Подводя итоги своей деятельности в конце 1858 г., А. В. Никитенко был безутешен: все его стремления и старания не приносили ожидаемых результатов. С горечью пишет он: «Я работал много и добросовестно, но работал исключительно для идеи... если бы идея эта осуществилась и пошла в ход да принесла бы желаемые плоды...» (т. 2, с. 84). Через месяц, в январе 1859 года, подводя итоги всей своей 25-летней университетской деятельности, А. В. Никитенко констатирует: «Недоволен, недоволен, тысячу, миллион раз недоволен» (т. 2, с. 87).

Несмотря на столь пессимистическую самооценку, А. В. Никитенко достиг немалых успехов в научной деятельности, в XIX в. он считался серьезным специалистом теории и истории русской литературы. В условиях перехода от схоластики в литературе и русском языке XVIII в., используя зарубежные и отечественные материалы, А. В. Никитенко сам создавал курсы по теории и истории литературы, философии языка. Его теоретические и историко-литературные труды были достаточно актуальными для современного времени и оставили след в развитии литературоведения и языкознания. Основным смыслом его работ являлось более широкое философское понимание языка и литературы.

¹⁶¹ Цыганов А. В. Российский цензор А.В. Никитенко: по материалам дневника // Молодой ученый. Т.2. 2011. №4 (27). С.53.

А. В. Никитенко был одним из первых, кто применил философскую проблематику эстетики в теорию словесности. Также он один из первых, кто предпринял попытку периодизации русской литературы¹⁶².

Когда настал момент переизбрания А. В. Никитенко на должность профессора, то на его пути снова встала фигура П. А. Плетнева. В 1859 г. исполнялось 25 лет его служебной деятельности и, согласно постановлению, принятому еще С. С. Уваровым, А. В. Никитенко предстояло пройти процедуру баллотировки на профессорском совете.

Состоявшийся 4 февраля совет постановил переизбрать А. В. Никитенко на установленный в этом случае пятилетний срок. Однако результат голосования вызывал у А. В. Никитенко большое замешательство: против его переизбрания проголосовало 10 профессоров из 23 членов совета. С удивлением отмечает А. В. Никитенко: «Странное дело! Откуда взялось у меня в университете десять врагов?» (т. 2, с. 90). Возможным объяснением для А. В. Никитенко данной ситуации служили действия П. А. Плетнева. «Видно, сильно поработал Плетнев, чтобы на меня упало столько черных шаров», - пишет А. В. Никитенко (т. 2, с. 90). Такое предположение было связано с многолетним соперничеством в ожидании кафедры А. В. Никитенко, что и испортило его отношение к П. А. Плетневу. Так характеризует его мемуарист: «...Я имею дело с сухим, холодным эгоистом, испорченным долгим трением о всякие житейские мерзости» (т. 2, с. 90).

¹⁶² Кулакова И. И. Мемуарно-автобиографическая проза А. В. Никитенко... С.6.

§ 4. А. В. Никитенко как тип профессора

Статус профессора обуславливал важные социальные параметры, задающее высокий уровень жизни, это и «освобождение от постоев, полицейских повинностей, от платежа так называемых квартирных денег, бесцензурной и беспошлинной доставки из-за границы книг, рукописей, периодических изданий и т. п.»¹⁶³. Университет предоставлял профессорам клинику, юристов, пенсию по выслуге лет, возможность обучения их детей в университете на казенный счет, университетскую библиотеку. Помимо различных доходов от службы, «принадлежность профессора к университету создавала возможности экономической и социальной гарантии, повышавшие качество жизни»¹⁶⁴.

Однако, справедливо отмечено, что помимо материальных объективных факторов, «качество жизни во многом зависит от субъективного ощущения безопасности, счастья, комфорта»¹⁶⁵. И в этом отношении А. В. Никитенко к своему положению зависело от прошлого опыта и факта сохраняющейся крепостной зависимости членов его семьи. С глубокой скорбью пишет А. В. Никитенко: «Боже великий! Что за порядок вещей! Вот я уже полноправный член общества, пользуюсь некоторой известностью и влиянием и не могу добиться – чего же? Независимости моей матери и брата! (т. 1, с. 183). Кроме того, крайне дискомфортно переносился А. В. Никитенко полицейский характер государства. Так, он пишет в 1852 г.: «Но многие из людей образованных находят меру эту еще вы чувствуете себя каждый день, каждый час в опасности погибнуть так, за ничто, от какого-нибудь тайного доноса, от клеветы, недоразумения и поспешности, от дурного расположения духа других, от ложного истолкования ваших поступков и слов» (т. 1, с. 227).

¹⁶³ Зипунникова Н. Н. Правовой статус ученого в Российской империи (особенности формирования ключевых моментов). Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. №2. С.8.

¹⁶⁴ Костина Т. В. Качество жизни университетского профессора первой половины XIX века (на примере Казанского университета) // Санкт-Петербургский университет в XVIII-XX вв.: европейские традиции и российский контекст. Спб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2009. С.63.

¹⁶⁵ Там же. С.69.

Кроме того, материальные факторы не всегда соответствовали запросам профессоров, поскольку из-за инфляции высокий уровень жалования, установленный в уставе и штатах 1835 г., со временем обесценивался¹⁶⁶. Многие профессора, чтобы поддерживать должный образ жизни, имели дополнительный источник дохода. В случае с А. В. Никитенко им была цензорская деятельность. Как отмечалось одним из мемуаристов в конце XIX в.: «В то время находили возможным с должностью цензора совмещать обязанности профессора университета»¹⁶⁷.

Сам А. В. Никитенко оценивал цензорскую работу как утомительную и несогласную с его представлениями о литературе как процессе. Мы встречаем упоминание мемуаристом о причине оставления им должности цензора в апреле 1848 г., который совпал с ужесточением цензурного режима, учреждением так называемого «Комитета 2 апреля 1848 года» во главе с Д. П. Бутурлиным, отличающегося крайне реакционной политикой. Автор пишет в дневнике: «Я и вышел из цензоров именно потому, что не могу разделять жандармского взгляда нашего председателя (имеется в виду Д. Бутурлин - А.К.) на цензуру»¹⁶⁸.

Несомненно и то, что должность цензора мешала деятельности А. В. Никитенко в университете, отнимая и без того ограниченное время профессора. Вследствие этого он был крайне недоволен началом своей научной деятельности. Как он писал в 1834 г., «...деятельность моя уподобляется нестройным облакам, движущимся туда и сюда, по направлению ветра. В ней нет солнца истины, нет постоянного животворного сияния» (т. 1, с. 107).

В то же время А. В. Никитенко чувствовал постоянное давление как со стороны государства, так и со стороны общества¹⁶⁹. Именуя себя «умеренным прогрессистом», А. В. Никитенко по взглядам фактически относился к умеренно-либеральным кругам, что обращало против него консервативно

¹⁶⁶ Костина Т. В. Качество жизни университетского профессора первой половины XIX века... С.19.

¹⁶⁷ Полевой П. Н. Век нынешний и век минувший. Исторический Вестник. Т.28. 1887 С.194.

¹⁶⁸ Васильев В. А. Приключение одной книги. Исторический Вестник. Т.30. 1887. С.666.

¹⁶⁹ Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе... С.39.

настроенную часть общества. Ф. В. Булгарин характеризовал А. В. Никитенко «как достойного ученика Рылеева, как опаснейшего человека, подрывающего государственный порядок»¹⁷⁰. В свою очередь сочетание концепции «умеренной прогрессивности» и практики государственной службы вызывало критику уже со стороны писателей либерального крыла. Биографы писали, что для современников А. В. Никитенко представлялся покорным чиновником-функцией¹⁷¹. Таким образом, в 1840-60-е гг. он фактически находился между двумя полюсами – консерваторами и более радикальными либералами, что вызывало лишь усталость и напряженность.

Однако, как пишет В. Г. Березина, «Никитенко был не только обычным, рядовым цензором, так сказать, цензором-практиком... Но также теоретиком и историком цензуры»¹⁷². Свои цензорские обязанности А. В. Никитенко стремился исполнять в соответствии со внутренними представлениями об общественном долге и пользе¹⁷³. Не случайно и А. С. Пушкин, и Н. В. Гоголь предпочитали видеть цензором своих произведений именно А. В. Никитенко¹⁷⁴. И именно благодаря заслугам А. В. Никитенко свет увидел роман Н. В. Гоголя «Мертвые души» и отдельное издание стихотворений Н. А. Некрасова¹⁷⁵. Но все же цензорство представляло компромисс с властью, существующими порядками, что А. В. Никитенко переживал достаточно болезненно (т. 1, с. 116).

Важным параметром профессорской карьеры А. В. Никитенко являлась его идентичность разночинца. Стоит отметить, что разночинцы представляли собой межсословную социальную группу, разнородную по происхождению и переходную по положению в профессиональной сфере. Противоречие возникало между общественным запросом на образование, стирающими социальные границы, и стремлением правительства эти границы четко

¹⁷⁰ Цит. по: Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе... С.23.

¹⁷¹ Зотов Р. М. Либеральный цензор и профессор пессимист... С.195-6.

¹⁷² Березина В. Г. Цензор о цензуре // Русская литература. № 1. 1996. С.3.

¹⁷³ Цыганов А. В. Российский цензор А.В. Никитенко... С.54.

¹⁷⁴ Айзеншток И. Я. Дневник А. В. Никитенко... С.22.

¹⁷⁵ Анненков. П. В. Литературные Воспоминания. Серия литературных мемуаров. М., 1983. С.392.

определить и закрепить¹⁷⁶. Неоднозначность была и в самой среде разночинцев: в частности, некоторые из них являлись владельцами крепостных крестьян¹⁷⁷, что было неприемлемо и против чего выступал сам А. В. Никитенко. Отсутствие четкого социального определения и соответственно общественной роли приводило эту категорию к самостоятельным попыткам выработать собственные поведенческие практики, чтобы «отвоевать положение, закрепиться в обществе, что могло бы обеспечить некоторые меры безопасности и предсказуемость»¹⁷⁸.

«Переходное, разночинное» положение в социуме заставляло А. В. Никитенко, как и многих других, искать новую общественную философию, способную ответить на главные вызовы и кризисы современности. И как отмечает С. А. Ежова: «...студентов-разночинцев привлекали в просветительстве – желание отдать свой нравственный долг, служа делу просвещения народных масс, и возможность разбудить сознание народа»¹⁷⁹, что полностью перекликается с представлениями А. В. Никитенко о просвещении и собственной миссии университетского профессора.

¹⁷⁶ Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М.: Логос, 2002. С.52.

¹⁷⁷ Там же. С.54.

¹⁷⁸ Там же. С.67.

¹⁷⁹ Ежова С.А. Мемуары воспитанников Казанского университета, как исторический источник (XIX век), Автореф. дисс. канд. ист. наук. Казань, 1995. С.9-10.

Глава II. А. В. Столичный университет и университетские отношения глазами университетского профессора

§ 1. Взаимоотношение университетской среды и администраторов просвещения

Тенденции развития университетской корпорации напрямую зависели от политики Министерства народного просвещения и личности самого министра. В 1833 г. на должность министра был назначен С. С. Уваров, и с середины 30-х гг. им стала проводиться политика реформирования системы образования, в частности, системы высшего образования.

Опорным пунктом в новой политике стал кадровый вопрос. В результате введенной С. С. Уваровым практики замещения преподавательского состава университетов, обновления затронули около 34% преподавателей, то есть каждого третьего¹⁸⁰. Было значительно увеличено жалование: ординарные профессора теперь получали 4000 руб. вместо 2000 руб., экстраординарные – 3000 руб., было увеличены и квартирные деньги – по 500 руб. и 400 руб. соответственно, причем в столичных университетах жалование составляло на 1000 руб. больше¹⁸¹. Данные изменения совпали с началом преподавательской деятельности А. В. Никитенко на историко-филологическом факультете в 1832 г. Так он комментирует уваровские нововведения: «Введены новый устав и новые штаты в университетах. Я получаю теперь 3900 рублей жалованья, вместо 1300: заметная разница!» (т. 1, с. 144).

Кроме того, благодаря энергичным действиям С. С. Уварова удалось добиться стабилизации пенсионного обеспечения. При увольнении прослужившие менее двух третей положенного срока получали единовременно годовое жалованье. «Оставшимся за реформой было разрешено избрать другой

¹⁸⁰ Костина Т. В. Профессора «старые» и «новые»: «антиколлегияльная» реформа С. С. Уварова // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. смыслов / ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М.: М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. С.234.

¹⁸¹ Костина Т. В. Качество жизни университетского... С.60.

род службы с сохранением полученных пенсий»¹⁸², что позволило избежать массового недовольства увольняемых профессоров.

Преобразования сопутствовали развитию самосознания университетской корпорации, «уваровские профессора ценили себя высоко, противопоставляли свой уровень учителям и «отсталым» коллегам, демонстрировали элитную солидарность»¹⁸³.

Однако, несмотря на все положительные стороны проводимой министерством народного просвещения кадровой политики, как отмечал А. В. Никитенко, данные изменения вызывали тревогу профессорской корпорации, так как исчезала стабильность положения, что толкало преподавателей на поиски нового внеуниверситетского источника дохода: «Каждый из нас поневоле должен кроме университета искать других занятий, чтобы вдруг, если вздумается начальству, не остаться без куска хлеба» (т. 1, с. 144). Однако, как показывает Т. В. Костина, данная практика и раньше включалась в жизненные стратегии профессоров, «помимо жалования, почти все профессора имели дополнительные доходы»¹⁸⁴.

Кроме того, помимо кадровых вопросов университет начала 30-х гг. XIX в. находил в себе множество проблем, требовавших также срочного решения. Малочисленность, низкий уровень образования, низкий уровень преподавания, несоблюдение студентами установленных норм поведения, недостаточный уровень финансирования университета, что выливалось, в частности, в бедность обстановки и жизни казеннокоштных студентов.

Кадровые нововведения регламентировали «такие вопросы, как продолжение службы (после выслуги), условия зачета в действительную службу времени научных командировок за границу, осуществлявшихся за собственный счет, порядок замещения должностей, присвоение званий (к

¹⁸² Костина Т. В. Пересмотр кадрового состава русских университетов в 1835-1837 годах... С.240.

¹⁸³ Вишленкова Е. А., Дмитриев А. Н. Прагматика традиции, или актуальное прошлое для российских университетов // Вишленкова Е. А., Савельева И. М. Сословие русских профессоров... С.71.

¹⁸⁴ Костина Т. В. Качество жизни университетского профессора первой половины XIX века... С.61.

примеру, заслуженного профессора), предоставление отпусков»¹⁸⁵. Ц. Х. Виттекер отмечает, что последовательная позиция С. С. Уварова способствовала успеху реформ: «Уваров не ставил целью насильственно насаждать какие-либо обязательные для всех идеологическое направление... Он считал, что они должны заниматься преподаванием и всесторонними научными исследованиями, для чего требуется некоторая академическая свобода»¹⁸⁶.

А. В. Никитенко разделял позиции С. С. Уварова (оба отчетливо понимали ценность высшего образования) и стал в университете представителем группы поддержки реформ. Закономерно, что характеристика А. В. Никитенко, данная С. С. Уварову как министру – «лучший из министров» (т. 1, с. 210), была крайне положительна. А. В. Никитенко писал: «Уваров человек образованный по-европейски; он мыслит благородно и как прилично государственному человеку» (т. 1, с. 96).

Противоположной точки зрения на вопросы образования придерживался император Николай I. Опасения императора, достаточно распространенные в среде консерваторов, были связаны в первую очередь с представлениями о неблагонадежности всей университетской системы и университетского знания¹⁸⁷. Особенно четко эта концепция отразилось в политике просвещения после революционных событий в Европе¹⁸⁸. Это разительно контрастировало с положением университетов при Александре I¹⁸⁹. В частности, эти изменения прослеживались в управлении «Журналом Министерства народного просвещения» Исследователи замечают: «Если в Александровскую эпоху такого рода издания служили общей просветительской цели в учебных округах... то в николаевское время назначение «Ученых записок» имело скорее контрольно-стимулирующие функции»¹⁹⁰.

¹⁸⁵ Зипунникова Н. Н. Правовой статус ученого в Российской империи... С.5.

¹⁸⁶ Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. Спб., 1999. С.177.

¹⁸⁷ Аврус А. И. История российских университетов. М., 2001. С.18.

¹⁸⁸ Галиуллина Р. Х. Кризис университетской автономии в России: 1840-е – начало 1860-х годов... С.269.

¹⁸⁹ Там же. С.259.

¹⁹⁰ Галиуллина Р. Х, Ильина К. А. Ученые записки ученого... С.39-40.

С. С. Уварову же удавалось сохранять до 1848 г. либеральное направление университетской политики. Притеснениям, чинимым вследствие опасений Николая I, до эпохи «мрачного семилетия» в основном подвергались студенты¹⁹¹: они, за исключением детей богатых дворян, коих в университете было не так много, находились в прямой экономической зависимости от государства – особенно это касалось казеннокоштных студентов и студентов, получавших стипендии.

Основным опасением Николая I являлось представление о политической неблагонадежности студентов, «уже в 1830-е годы на вершине пороков оказалось участие в повстанческих движениях. Соответственно, самыми злостными были уже не «дерзкие», а «неблагонадежные» учащиеся»¹⁹². Однако в силу закрытости студенческой корпорации, как пишет Т. Н. Жуковская, «студенты 1820-1840-х гг., за исключением поляков, были, в общем, далеки от политики»¹⁹³, ограничения (запрет «сборищ и обществ»¹⁹⁴, установление надзора за студентами, контроль за их времяпрепровождением¹⁹⁵) не были настолько суровы, как это описывалось в официальных документах. Это подтверждают и воспоминания А. М. Дондукова-Корсакова: «Ничего никогда политического в наших проявлениях не было, все ограничивалось тесным кругом университетского нашего быта»¹⁹⁶.

Кроме того несмотря на то, что официально университетским уставом 1835 г. была затронута автономия профессорской корпорации в отношении ограничения процедуры выборов и ликвидации университетского суда, в действительности, в министерство С. С. Уварова, данное обстоятельство мало отражалось на быте и свободе действий преподавательского состава. Фактически это нововведение было обусловлено нежеланием самих

¹⁹¹ Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 2. Ч. 1. Спб., 1879. Стлб. 80.

¹⁹² Вишленкова Е. А. Ильина К. А. «Воспроизводство себе подобных» в российском университете первой половины XIX века. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. С.25.

¹⁹³ Жуковская Т.Н. «Тайные общества», студенческие «буйства» и запрещенные лекции... С.261.

¹⁹⁴ Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 2. Ч. 1. Спб., 1879. Стлб. 680.

¹⁹⁵ Там же. Стлб. 485, 838.

¹⁹⁶ Дондуков-Корсаков А. М. Мои воспоминания. Спб., 1902-1903. С.10.

профессоров заниматься хозяйственными вопросами университета. Однако уже в последующие министерства ограничение профессорской автономии негативно сказалось на состоянии корпорации, «веденный в 1835 году университетский устав С. С. Уварова, призванный освободить профессорскую корпорацию от обременительных административных функций по желаниям самих профессоров, стал в свою очередь еще большим ограничителем»¹⁹⁷.

Стоит отметить трудности, с которыми сталкивались преподаватели на защите диссертаций. «Травля ученых уже была в университете», - свидетельствует А. В. Никитенко в 1836 г. (т. 1, с. 152). Он отмечает, что на очередной защите диссертации, речь профессора истории Н. Г. Устрялова, когда тот стал настаивать на том, что Литва всегда входила в состав России, была прервана попечителем М. А. Дондуковым-Корсаковым, который «испугался, ... чтобы не вышло соблазнительного спора, а потому он поспешил прекратить диспут» (т. 1, с. 152). Администраторы просвещения стремились отстранить университет от обсуждения социально-политических вопросов, что порождало проблемы практического характера – возможности научной дискуссии в рамках гуманитарных наук ограничивались.

Важной фигурой во взаимодействии администраторов просвещения и университетской корпорации являлся ректор, чье положение было трансформировано Уставом 1835 г.¹⁹⁸. По новым правилам главной обязанностью ректора являлось исполнение распоряжений Министерства народного просвещения, сама же эффективность управления зависела от конкретной личности¹⁹⁹. На протяжении практически всего профессорства А. В. Никитенко ректором университета являлся П. А. Плетнев (1840-1861 гг.). Как говорилось выше, ректорство П. А. Плетнева не встречало какой-либо критики со стороны корпорации, его методы управления отличались

¹⁹⁷ Галиуллина Р. Х. Кризис университетской автономии в России: 1840-е – начало 1860-х годов... С.279.

¹⁹⁸ Вишленкова Е. А., Галиуллина Р. Х. Профессора и бюрократы: парадоксы университетской автономии в России... С.53.

¹⁹⁹ Там же. С.54.

бесконфликтностью, «Плетнев умело сдерживал вспыльчивую натуру нового попечителя»²⁰⁰ (имеется в виду М. Н. Мусин-Пушкин – А. К.).

Относительно института попечителя учебного округа, то главное, что привнес Устав 1835 г. – это расширение полномочий. Попечитель «более не был далеким столичным начальником, он становился «ближайшем хозяином» всех учебных заведений округа,...а сам окружной университет вверялся его особому руководству»²⁰¹.

Попечительство таких чиновников, как К. М. Бороздина в 1826-1833 гг. и М. А. Дондукова-Корсакова в 1833-1842 гг., Г. П. Волконского в 1842-1845 гг., не сопровождалось каким-либо серьезными столкновениями и инцидентами. Так, А. В. Никитенко следующим образом характеризует князя Г. П. Волконского: «Он человек, как говорится ныне, с европейским образованием, со свежей головой и честными стремлениями, еще не остывший к добру – только очень молод» (т. 1, с. 198)

Напряженными были отношения между университетской корпорацией и попечителем Санкт-Петербургского учебного округа М. Н. Мусиным-Пушкиным, управлявшим почти 10 лет (1845-1856 гг.). Конфликты у попечителя возникали не только в отношениях с университетом, но и со многими учебными структурами. А. В. Никитенко отмечает: «Недавно он позвал к себе нескольких учителей гимназии и разругал их "болванами", дураками, пустыми головами, шутами и пр.» (т. 1, с. 235). Особенно остро складывались отношения М. Н. Мусина-Пушкина со студенчеством, «генеральский» стиль управления, грубость, очевидное непонимание, *чем* ему приходится руководить, и в то же время уверенность в своей непогрешимости спровоцировали студенческую демонстрацию 1848 г. против попечителя»²⁰². Слухи о демонстрации, где студенты намеревались освистать М. Н. Мусина-Пушкина и оскорбить его действием, коснувшись его орденских знаков, быстро

²⁰⁰ Галиуллина Р. Х. М. Н. Мусин-Пушкин – попечитель Казанского и Петербургского учебных округов // Санкт-Петербургский университет в XVIII-XX вв.: европейские традиции и российский контекст. 2009. С.100.

²⁰¹ Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время... С.179.

²⁰² Костина Т. В. Пересмотр кадрового состава русских университетов в 1835-1837 годах... С.273.

распространялись и дошли до Николая I. В результате расследования готовившейся провокации С. С. Уварову объяснился студент Макшеев, которого М. Н. Мусин-Пушкин за плохой ответ на экзамене «выругал разными непристойными словами, а потом приказал арестовать»²⁰³. С. С. Уваров в свою очередь сделал М. Н. Мусину-Пушкину выговор, однако «наедине»²⁰⁴.

Важно отметить, что данный конфликт отражал не отношение к самой политике, проводимой М. Н. Мусиным-Пушкиным, а, скорее, к его личности, не соответствовавшей масштабу задач и статусу столичного университета. Как пишет Р. Х. Галиуллина, «в то непростое время ни один из профессоров не испытывал на себе административного давления со стороны попечителя»²⁰⁵. Показательны те усилия, которые предпринимал М. Н. Мусин-Пушкин в учреждении в Санкт-Петербургском университете кафедры восточных языков, при его активном содействии «здесь были собраны лучшие российские ориенталисты»²⁰⁶.

Действительно переломным моментом в истории университета оказался 1848 г., когда недоверие со стороны властей к образованию возросло. Начиналась череда «откатов» в университетской политике, очень негативно воспринятая А. В. Никитенко. Кроме того, новый курс образовательной политики привел к смещению С. С. Уварова с должности министра. Отстранение С. С. Уварова А. В. Никитенко предугадывал еще в 1843 г., когда критиковал его за политическую недалекость. А. В. Никитенко писал: «Он думает ловить мух в паутине и прилежно сучит нити ее, не замечая, что они служат только к тому, чтобы указывать путь врагам к его гнезду» (т. 1, с. 213). Таким образом, из записей А. В. Никитенко можно заключить не только существование серьезных противоречий во взглядах между С. С. Уваровым и Николаем I, но и возрастающую в обществе оппозицию лично С. С. Уварову.

²⁰³ Жуковская Т.Н. «Тайные общества», студенческие «буйства» и запрещенные лекции: политика в дореформенном университете... С.269.

²⁰⁴ Там же. С.269.

²⁰⁵ Галиуллина Р. Х. М. Н. Мусин-Пушкин – попечитель Казанского и Петербургского учебных округов... С.98,99.

²⁰⁶ Там же. С.100.

На место же С. С. Уварова пришла черед министров совершенно иного характера – среди них не было реформаторов, главным направлением их политики стали охранительные тенденции, запрашиваемые императором: П. А. Ширинский-Шихматов в 1849-1853 гг., «не отличался, подобно своему предшественнику Уварову, ни блестящим умом, ни даром слова» (т. 1, с. 292). А. С. Норов, бывший министром в 1853-1858 гг., характеризовался главным образом своей несамостоятельностью и политической зависимостью от А. Е. Кисловского – вице-директора департамента народного просвещения (т. 2, с. 26). Е. П. Ковалевского (1858-1861 гг.), последовавший модели поведения А. С. Норова, в министерстве которого, как пишет Никитенко: «...по-прежнему ничего не делается» (т. 2, с. 69), сменил Е. В. Путянин (1861-1862 гг.), чьи непродуманные действия стали прологом к студенческим волнениям и кризису 1861 г.

Сам же Никитенко видел необходимость отмены всех стеснительных нововведений эпохи «мрачного семилетия»: ограничения количества обучающихся студентов, надзора за преподавателями и контроля содержания лекций, запрета перехода студентов с медицинского факультета на другие, приостановления преподавания философии в светском духе. А. В. Никитенко определено стоял на позициях автономии университетской корпорации и свободы научной деятельности, где главным являлся поиск истины (т. 1, с. 182), также он отмечал необходимость материального улучшения положения профессоров (т. 2, с. 16).

§ 2. Социальный облик, корпоративная культура и учебно-профессиональная деятельность профессоров столичного университета

Реформирование университетской системы сопровождалось процессом формирования профессорской идентичности и единообразных поведенческих практик корпорации университетских профессоров.

Что касается преподавательского состава историко-филологического факультета, к которому и относился А. В. Никитенко (в 1830-50-е гг. в него входило около 15 человек)²⁰⁷, на страницах «Дневника» нам встречается характеристика пяти профессоров, описание конфликтов между ними и вскользь упоминается еще о нескольких преподавателях. Чаще А. В. Никитенко давал характеристику не личным качествам профессоров, а их научным достижениям и профессиональным качествам – исключение здесь может лишь составить О. И. Сенковский, «отличный ориенталист, но, должно быть, плохой человек» (т. 1, с. 37).

Между А. В. Никитенко и О. И. Сенковским можно выделить особую линию взаимоотношений. Еще будучи студентом А. В. Никитенко был замешан в конфликте студенческой корпорации с О. И. Сенковским, когда последний в грубой форме обратился к одному из студентов, не посещавших его лекции: «Я сделаю то, что вас будут драть розгами... Не говорите мне об уставе – я ваш устав» (т. 1, с. 38). По просьбе своих однокурсников А. В. Никитенко от имени студентов обратился к попечителю с жалобой на непристойное поведение О. И. Сенковского, и результат оправдался. Благодаря покровительству А. В. Никитенко со стороны попечителя К. М. Бороздина от имени ректора профессору было объявлен выговор, что было исключением из привычной практики решения конфликтов.

Многие коллеги считали карьерные успехи О. И. Сенковского незаслуженными. Действительно, будучи принятым вскоре по окончании Виленского университета в 1822 г. в Петербургский университет на кафедру

²⁰⁷ Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых 50 лет... Примечания. С.51-53.

арабской словесности, О. И. Сенковский был сразу назначен ординарным профессором. В то время как путь А. В. Никитенко до этой должности занял 16 лет. Столь быстрый карьерный рост О. И. Сенковского связан с двумя обстоятельствами – отсутствием традиции, привязывавшей определенную возрастную категорию к определенной должности и оставлении восточных кафедр прежними преподавателями после «дела профессоров»²⁰⁸.

Взаимоотношения двух профессоров не были равными на протяжении всего периода их знакомства. А. В. Никитенко еще в студенческих записях дневника характеризовал О. И. Сенковского, как дурно воспитанного и писал: «Его упрекают в подбострастии с высшими и в грубости с низшими. Он не любим ни товарищами, ни студентами, ибо пользуется всяким случаем сделать неприятное первым и вред последним» (т. 1, с. 37-38). А. В. Никитенко затем несколько изменил свою точку зрения: «Сенковский весьма замечательный человек» (т. 1, с. 54). Однако через небольшой промежуток времени А. В. Никитенко резко отзывался об О. И. Сенковском. «На Сенковского, наконец, воздвиглась политическая буря», - так комментирует А. В. Никитенко цензорские санкции, наложенные С. С. Уваровым на редакцию журнала «Библиотека для чтения» (т. 1, с. 109). А. В. Никитенко с долей горечи и осуждения отмечает слишком благоразумное и боязливое нежелание О. И. Сенковского «назвать себя либералом» (т. 1, с. 110) Смерть же его в 1858 г. А. В. Никитенко комментирует шестью словами: «Он уже давно страдал несварением желудка» (т. 2, с. 48). Так мы видим, что А. В. Никитенко и О. И. Сенковский, чьи взаимоотношения были омрачены идеологическим противостоянием, на протяжении долгих лет профессорства не смогли прийти к компромиссу и взаимопониманию.

Других же своих коллег А. В. Никитенко характеризовал более умеренно – в профессиональном ключе. Так словесника Н. И. Бутырского, назначенного преподавать науки о финансах после увольнения М. А. Балугьянского, А. В. Никитенко критикует за плохую осведомленность в своем предмете («Кафедра

²⁰⁸ Костина Т. В. Карьера в университете, или сколько лет должно быть профессору...

политической экономии, очевидно, не по нем. Познания его в ней поверхностны» (т. 2, с. 34)) и плохие ораторские способности: «Но он, как и всегда, мало держался систематического порядка, бросался в эпизоды и не всегда был точен в выборе выражений своих мыслей» (т. 2, с. 71). Данная характеристика совпадает с воспоминаниями одного из студентов, слушавшего курс Н. И. Бутырского, который «...не имел времени готовиться к лекциям...лекции его мало доставляли нам пользы»²⁰⁹. Кроме того, А. В. Никитенко отмечает общие проблемы, связанные с кафедрой политической экономии: «...сия высокая наука не имеет у нас лучшего преподавателя» (т. 1, с. 36). Как указывает далее А. В. Никитенко, такое положение дел связано со взглядами о взаимодействии науки вообще и политического устройства. Он пишет: «Многие, однако, полагают, что дух ее не согласен с существующим у нас порядком вещей и потому преподавание ее у нас обставлено большими трудностями» (т. 1, с. 36). Также А. В. Никитенко критиковал профессора всеобщей истории М. С. Куторгу за отсутствие: «дара слова и вообще особенного таланта» (т. 1, с. 140). В то же время А. В. Никитенко акцентирует внимание на том, что М. С. Куторга – один из немногих профессоров, читающих свои лекции «не по тетради» (т. 1, с. 140).

Относительно образовательных традиций А. В. Никитенко указывает на распространенность системы заучивания (т. 1, с. 122), что фактически приводило к замещению процесса анализа материала и негативно сказывалось на общем уровне образования.

Особо среди всех преподавателей А. В. Никитенко выделял А. И. Галича: «у нас нет ни одного, подобного ему, кроме разве Давыдова в Москве» (т. 1, с. 55) и положительно отзывался о Е. Ф. Зябловском: «Профессор Зябловский... очень хорошо объясняет свой предмет» (т. 1, с. 16). Относительно профессорства А. И. Галича из записей А. В. Никитенко мы также можем выделить два важных эпизода – его преподавание в университете после

²⁰⁹ Фортунатов Ф. Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете... С.327.

«разгрома» 1821 г. и уступка А. В. Никитенко, о которой говорилось выше, в виде права бесплатно посещать его лекции. Сами же лекции А. И. Галич проводил, не являясь штатным профессором университета. Как нерадостно отмечал Никитенко: «Как жаль, что сей отличный профессор лишен своей кафедры в университете: у нас нет ни одного, подобного ему, кроме разве Давыдова в Москве» (т. 1, с. 55). Связано данное обстоятельство было с кампанией попечителя Д. П. Рунича 1821 г. (о которой так же упоминалось) против части профессорской корпорации, обвиненной в безбожии и «угрозе общественному порядку». Данное дело являлось полностью сфальсифицированным, однако некоторые профессора действительно были уволены из университета – А. И. Галичу же удалось сохранить за собой возможность преподавать. Однако в дальнейшем А. И. Галичу все же пришлось удалиться из университета: в результате реформы 1837 г. он был лишен профессорского оклада.

Более обстоятельно в «Дневнике» отражаются профессорские конфликты, которые чаще носили идеологический характер, особенно четко это проявилось в период «мрачного семилетия», что обуславливалось положением историко-филологический факультета, который являлся одним из наиболее «опасных» факультетов с точки зрения позиции власти. Межличностным столкновением в профессорской среде можно назвать разве что противостояние, разразившееся на выборах в ординарные академики А. К. Наука, бывшего «адъюнктом в берлинской гимназии», когда: «восстал Срезневский... С ним заспорили другие, и спор начал принимать личный характер» (т. 2, с. 13).

Конфликты зачастую принимали форму научно-преподавательских противостояний: в виде обвинений в не патриотичности при защите диссертации (т. 1, с. 250-251), при научном диспуте относительно филологических вопросов (т. 1, с. 267), на факультетском собрании, посвященному выборам в адъюнкты (т. 1, с. 270) и т.д. (т. 2, с. 17-18, 41). Так, например, еще во времена студенчества А. В. Никитенко профессор права и философии П. Д. Лодий пытался дискредитировать профессора М. А.

Пальмина, из-за того, что последний излагал на своих лекциях положения философии Канта, в то время как сам П. Д. Лодий считал это опасным и был сторонником схоластической философии. П. Д. Лодий «упрекал его в том, что тот заставлял нас следовать ложной и опасной системе» (т. 1, с. 10).

Таким образом, через изменения характера конфликтов можно проследить процесс перехода от межгруппового противостояния по национальному признаку к разделению «профессорских партий» на основании несовпадения идей.

Внутри профессорской корпорации рождались и дискуссии исключительно научной направленности. Так профессор истории М. С. Куторга вступил в конфликт с членами учебного комитета при министерстве народного просвещения относительно методов исследования, настаивая на первостепенной важности античной традиции. Большинство же членов совета придерживались мнения о том, что историк не должен руководствоваться воззрениями античной поры в своих исследованиях: «писать историю можно и даже должно не по их воззрениям и анализу» (т. 2, с. 55).

На страницах «Дневника» А. В. Никитенко мы также встречаем упоминания о борьбе славянофилов и западников внутри Московского университета, когда: «борьба доходила до того, что противники даже не стесняются друг другу гадить... Западники отвергают даже людей способных, но не принадлежащих к их партии. Славянофилы мстят им тем же» (т. 2, с. 41).

Конфликты иногда сопровождались неэтичными действиями профессоров, доходящими не только до словесных перепалок, но и до оскорблений. (т. 2, с. 28, 67). Совершенно иная ситуация была уже в 80-х гг. XIX в., когда: «острые дискуссии, конфликтные голосования происходили в строго определенных рамках»²¹⁰.

Неустойчивость этики обуславливается незавершенностью процесса формирования корпорации, сопровождающаяся изменениями социального

²¹⁰ Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX - начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017. С.365.

облика профессора²¹¹. Социальный престиж требовал от профессоров «соответствующего морального облика... Корпоративная этика осуждала лень, пьянство, растраты и др. Постепенно складывались социокультурные механизмы корректировки поведения, хотя они не были зафиксированы в уставах»²¹². Кроме того, именно в этот период корпорация становилась более иерархизированной и самоупорядочиваемой. В целом, для корпорации 1830-х – середины 1850-х гг. была характерна подчеркнутая лояльность, отсутствие какой бы то ни было фронды или же принципиальная аполитичность²¹³. Также еще не были выработаны механизмы урегулирования конфликтов самой университетской корпорацией, что не могло не усиливать влияние администрации и министерства на университет²¹⁴.

Конфликт в университетское устройство был заложен самим фактом переноса западной университетской системы и культуры – если изначально, с петровских времен шло простое копирование западной модели, то при Николае I наступил новый этап развития российских университетов – попытка обосновать идею «особого третьего пути», что предполагало: «необходимость превентивных мер защиты от «покушений Запада»²¹⁵, в том числе защиты и от университетов и науки – что нашло отражение в политике просвещения в эпоху «мрачного семилетия».

Созданный же С. С. Уваровом университет накануне революционных событий в Европе имел возможность перспективного развития университетской корпорации и научной деятельности. «Эпоха цензурного террора» 1849-1855 гг. в свою очередь подорвала эти начинания и сделала невозможным создание здоровой атмосферы в университете. И в наибольшей степени пострадала научная и преподавательская деятельность.

²¹¹ Жуковская Т. Н., Любезников О. А. Правительственная политика и корпорация Петербургского университета... С.28.

²¹² Жуковская Т. Н. Университеты и университетские традиции в России... С.77.

²¹³ Жуковская Т. Н., Любезников О. А. Правительственная политика и корпорация Петербургского университета... С.29.

²¹⁴ Вишленкова Е. А., Галиуллина Р. Х. Профессора и бюрократы... С.35.

²¹⁵ Тишкин Г. А. Некоторые итоги изучения истории университетского образования в Санкт-Петербурге. Вестник СПбГУКИ. 2011. № 4 (9). С.155.

§ 3. «Мрачное семилетие»: кризис университетской системы

Одной из самых острых проблем, поднятых в «Дневнике» А. В. Никитенко, является отражение состояния университета в период «мрачного семилетия». Самые первые комментарии А. В. Никитенко относительно политики нового министра просвещения П. А. Ширинского-Шихматова, когда было введено наблюдение за преподаванием в стенах университетов, крайне негативны: «У нас же бессмыслица, какой мир не видал. Вот вам и русская образованность» (т. 1, с. 249).

Главным принципом, которым руководствовался император, назначая П. А. Ширинского-Шихматова, было стремление утвердить в университете строгий порядок и установить четкую исполнительность. Большая часть профессорской корпорации, не включавшая А. В. Никитенко, довольно быстро адаптировалась к новой политике министерства²¹⁶ в силу своей аполитичности²¹⁷ – так самими членами корпорации на очередном заседании совета в начале декабря 1848 г. было поставлено под сомнение право университета утверждать диссертации. Результатом дискуссии стало голосование, показывающее, что только 6 членов совета стояли за право университетам самостоятельно издавать диссертации, большая же часть – 11 членов, выступила против. Как резюмировал А. В. Никитенко, это «любопытный факт, доказывающий, как настроены умы в университете» (т. 1, с. 249). Также А. В. Никитенко оставался одним из немногих профессоров, чья гражданская позиция и научно-преподавательская деятельность существенно не изменились из-за происходящих изменений, как он сам комментировал: «Главное – быть достойным собственного уважения, все прочее не стоит внимания» (т. 1, с. 251).

Дальнейшие постановления: ограничение количества поступающих до 300 человек²¹⁸, запрет перехода с медицинского факультета²¹⁹, запрет

²¹⁶ Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох... С.57.

²¹⁷ Костина Т. В. Пересмотр кадрового состава русских университетов в 1835-1837... С.259.

²¹⁸ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Ч. 1. Спб., 1879. Стлб.1066.

²¹⁹ Там же. Стлб. 1068.

университетскому Совету избирать ректора²²⁰, приостановление светского преподавания философии²²¹, ухудшение материального положения профессоров²²² - лишь усугубляли положение университетской корпорации и усиливали раскол внутри нее. А. В. Никитенко с грустью пишет: «Везде насилия и насилия, стеснения и ограничения – нигде простора бедному русскому духу. Когда же и где этому конец?» (т. 1, с. 223). Особенно остро реагировал А. В. Никитенко на возможность любого постороннего человека вторгнуться в микромир научно-преподавательской деятельности под предлогом борьбы с революцией. А. В. Никитенко неутешительно замечает: «Каждый невежда считает себя вправе в них вмешиваться и распоряжаться ими (имеются в виду лекции – *А. К.*). После этого на лекциях нельзя слова сказать без опасения, что его перетолкуют по-своему и самую простую общую мысль науки обратят в опасную либеральную идею» (т. 1, с. 288).

«В университете страх и упадок духа» (т. 1, с. 249), - так резюмировал А. В. Никитенко атмосферу конца 1848 г. К этому времени уже действовали постановление и распоряжения, предписывающие повышение платы за обучение²²³, запрет на заграничные командировки с научными целями, усиление надзора за студентами²²⁴, министром также было приказано установить надзор за профессорами (т. 1, с. 249).

Показателен пример защиты диссертации магистра Варнека на кафедре зоологии. Использование им в своей работе «О зародыше вообще и о зародыше брюхоногих слизняков» (т. 1, с. 250), иностранных слов было приравнено одним из членов комиссии профессором И. О. Шиховским практически к преступлению против государства. Как писал А. В. Никитенко, «профессор И. О. Шиховский вывел заключение, что Варнек не любит своего отечества и презирает свой язык».

²²⁰ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Ч. 1. Спб., 1879. Стлб.1104.

²²¹ Там же. Стлб. 1133.

²²² Там же. Стлб. 1419.

²²³ Там же. Стлб. 1022.

²²⁴ Там же. Стлб. 995.

Как замечает А. В. Никитенко, эти настроения, отвергающие все иностранное, в том числе науку и искусство, были достаточно распространены в обществе: «Теперь в моде патриотизм, отвергающий все европейское, не исключая науки и искусства» (т. 1, с. 252). Часть общественного мнения, с горечью отмечал Никитенко, склонялась к идеи православной веры как главного источника благосостояния государства: «Они хотят всю деятельность сосредоточить в пределах православия: но разве это деятельность?». А. В. Никитенко указывает: «Патриоты этого рода не имеют понятия об истории и полагают, что Франция объявила себя республикой, а Германия бунтует оттого, что есть на свете физика, химия, астрономия, поэзия, живопись и т.д.» (т. 1, с. 252).

Кроме того, существовало и принципиально негативное отношение к науке и университетам – они воспринимались некоторым современниками угрозой существующей власти, соответственно, по их мнению, эти общественные институты должны были быть доступны только дворянскому сословию, невежество же остальных являлось залогом благосостояния государства. А. В. Никитенко так описывал эти проекты: «...На место университета учредить в Петербурге и Москве два большие высшие корпуса, где науки преподавались бы специально только людям высшего сословия, готовящимся к службе» (т. 1, с. 251). Обсуждение данного вопроса доходило до слухов о закрытии университета: «В городе невероятные слухи о закрытии университета...Во всяком случае ненависть к науке очень сильна» (т. 1, с.254). Эти слухи подтверждает и Н. Г. Чернышевский: «Вокруг университетов сложилась тревожная обстановка. Так, он в одном из писем в Саратов в начале 1849 г. сообщал, что слышал разговоры «о закрытии всех университетов, кроме С.-Петербургского и Московского»²²⁵, «закрыть университеты предлагал, например, влиятельный Д. П. Бутурлин»²²⁶.

²²⁵ Аврус А. И. История российских университетов... С.24.

²²⁶ Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох... С.25.

Однако объективная необходимость государства в системе высшего образования не позволила этому произойти. Как отмечает А. И. Аврус: «Николай I, являясь человеком достаточно умным, понимал необходимость развития образования, в том числе и университетского, для России. Поэтому университеты продолжали существовать»²²⁷.

Существовали и иные концепции относительно места науки и образования в обществе. В частности, в «Наставлении для образования воспитанников военно-учебных заведений» начальник штаба по управлению военно-учебными заведениями И. Я. Ростовцев резюмирует, что содержание науки должно отвечать запросам власти на формирование определенных убеждений и ценностей, «Основная мысль «наставления» та, что мы должны изобрести такую науку, которая уживалась бы с официальной властью» (т. 1, с. 261).

Ректор Санкт-Петербургского университета П. А. Плетнев, пытаясь воспрепятствовать мнению о науке и образовании, как об угрозах, в своем отчете на университетском акте за 1849 г. всячески настаивал на концепции «безопасности образования», а главное – его большой пользы для общества. Как писал А. В. Никитенко: «Плетнев в своем отчете старался, сколь возможно, выставить пользу и безопасность университетского образования» (т. 1, с. 255).

В реальности для политического строя в России революционная угроза не существовала, и опасения Николая I носили субъективный характер. С другой стороны, усиливающееся притеснение формировало в университетах интерес к вопросам политики и общественного устройства, что и привело некоторых из них в кружок М. В. Петрашевского²²⁸.

Судьба высшего образования была решена «делом петрашевцев», среди членов которого был 21 студент²²⁹, что окончательно убедило Николая I в неблагонадежности университетов и их опасности для общественного

²²⁷ Аврус А. И. История российских университетов... С.19.

²²⁸ Жуковская Т. Н., Любезников О. А. Правительственная политика и корпорация Петербургского университета... С.30.

²²⁹ Там же. С.30.

порядка²³⁰. Теперь студенчество воспринималось исключительно: «как опасное «сословие» или «корпорация»»²³¹

Политика эпохи «мрачного семилетия» действительно значительно ударила по системе образования, особенно ощутимо было влияния реформ на профессорскую корпорацию. Однако преобразования затронули и корпорацию студентов – серьезно обострилась проблема самоубийств среди универсантов и проблема бегства за границу²³².

Новый курс политики значительно сказался и на уровне преподавания. Ф. Н. Устрялов, учившийся в 1852-1856 гг., писал: «...Многие профессора читали одни и те же лекции из года в год, а так как у студентов были теперь литографированные тексты, то они по ним следили. На экзаменах требовали заучивания текста, часто без понимания его смысла»²³³. Соответственно нарушались связи профессоров и студентов, и снижалось качество научных работ, а «назначенный ректором преподаватель довольно быстро... превращался в функционера с профессорской степенью и докторским дипломом»²³⁴.

Записи А. В. Никитенко относительно новых университетских реалий отражают чаяния либеральных кругов. Его восприятие происходящих изменений может представлять общее настроение²³⁵. Так, в мемуарах П. В. Анненкова мы можем встретить схожую позицию²³⁶.

На страницах своего «Дневника» А. В. Никитенко пытается отстоять ценности и традиции Уваровского университета. Противопоставления образа Уваровского университета и происходящих с образованием и наукой изменений контрастируются на протяжении всех дневниковых записей. Сам А. В. Никитенко видел необходимость развития образования и творческого

²³⁰ Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время... С.265.

²³¹ Вишленкова Е. А. Ильина К. А. «Воспроизводство себе подобных» в российском университете... С.27.

²³² Костина Т. В. Пересмотр кадрового состава русских университетов в 1835-1837... С.265.

²³³ Аврус А. И. История российских университетов... С.24.

²³⁴ Вишленкова Е. А., Галиуллина Р. Х. Профессора и бюрократы: парадоксы университетской автономии в России в первой половине XIX века. М., 2011. С.58.

²³⁵ Галиуллина Д. М. Проблема изучения мемуаров в отечественной исторической мысли... С.43.

²³⁶ Анненков. П. В. Литературные Воспоминания... С.472.

потенциала общества, требовавших свободу образа мыслей (т. 1, с. 105). А. В. Никитенко также настаивал на необходимости понимания научной деятельности не как государственного заказа²³⁷, что было очень распространенным убеждением того времени²³⁸, а как: «потребности человеческой природы» (т. 2, с. 56).

А. В. Никитенко являлся фактически антагонистом императорской консервативной концепции системы образования, противопоставляя современную ему модель моделью университета С. С. Уварова и концепции образования Петра I. Неслучайно на торжественном акте 1836 г. он, явно апеллируя к первоначальным истокам Университета, произнес «Похвальное слово Петру Великому»²³⁹. Тем самым он пытался «как-то примирить пафос Петра Великого с националистическими устремлениями Николая I»²⁴⁰.

Достаточно красноречива характеристика, данная А. В. Никитенко университетской политике Николая I: «Теперь все видят, как поверхностно наше образование... Теперь только открывается, как ужасны были для России прошедшие 29 лет... умственное развитие остановлено... Все это плод презрения к истине...» (т. 1, с. 335).

Однако стоит отметить – уже в 1855 г. курс политики просвещения стал несколько смягчаться²⁴¹, что находило отражение в дневниковых записях (т. 1, с. 303, 310). В первую очередь происходившие изменения были связаны с итогами Крымской войной, поскольку «военные поражения воспринимались обществом как расплата за культурную остаток страны»²⁴². Кроме того, повлияли и патриотические настроения студентов. В 1854-1855 имело место

²³⁷ Воронов А. С. Историческо-статистическое обозрение учебных заведений С. Петербургского учебного округа... С.43.

²³⁸ Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох... С.76.

²³⁹ Санкт-Петербургский государственный университет, 275 лет: Летопись, 1724-1999. Спб., 1999. С.120.

²⁴⁰ Кантор В. К. А. В. Никитенко: русский либерал как наследник петровских реформ // Вопросы философии. РАН. №11. М., 2006. С.113.

²⁴¹ Аврус А. И. История российских университетов... С.25.

²⁴² Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох... С.26.

«патриотическое одушевление: 50 студентов бросили тогда науку, чтобы идти сражаться за отечество»²⁴³.

Начавшиеся в университете изменения хоть и вселяли в А. В. Никитенко некоторую долю надежды на либеральные преобразования, все же не рассеивались его скептицизма по отношению к скорым улучшениям. Как писал он в декабре 1854 г.: «Вчера узнал некоторые новости об университетах и так огорчился, что не спал до семи часов утра» (т. 1, с. 315).

²⁴³ Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых 50... С.307.

§ 4. Университетские настроения 1855-1861 гг. Студенческие волнения 1861 г.

Конец эпохи «мрачного семилетия» и воцарения императора Александра II не сразу отразились на университетской политике. Несмотря на то, что в 1855 г. было разрешено принимать неограниченное количество студентов в университеты, а в 1856 г. было отменено преподавание военных наук²⁴⁴, дальнейшие постановления носили весьма консервативный и охранительный характер²⁴⁵, что лишь усугубляло университетский кризис и привело к студенческому движению 1861 г. Так характеризовал А. В. Никитенко первые годы правления Александра II: «Покойный государь решал сам и скоро, и мы могли представлять ему о многом, не опасаясь отказа, особенно при известном искусстве редакции. Ныне не то. Император, видимо, удручен войною, дела, не относящиеся к ней, слушает не с полным вниманием, спешит и много не решается брать на себя, боясь ошибиться» (т. 1, с. 329).

Однако все же новый курс политики в отношении образования был очевиден, «в короткий срок обозначился быстрый рост числа студентов университетов, за 8 лет в среднем в 2 раза, а в СПУ — в 3,5 раза»²⁴⁶. Показателен и сюжет, связанный с защитой докторской диссертации Н. Г. Чернышевского в мае 1855 г., поскольку: «и Чернышевский, и Никитенко видели, что такой теоретической работе легко придать политический оттенок...самая многосторонность противоречивость суждений может только служить более глубокому дальнейшему решению и в этом смысле (единственно правильном) он не имел никаких возражений. Она была им принята (это было главное)»²⁴⁷. На защите, как писал сам Н. Г. Чернышевский отцу, «Никитенко возражал мне очень умно, другие, в том числе Плетнев, ректор, очень глупо»²⁴⁸.

²⁴⁴ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.3: 1855-1864. Спб., 1875. Стлб. 47.

²⁴⁵ Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох... С.27.

²⁴⁶ Аврус А. И. История российских университетов... С.25.

²⁴⁷ Шпет Г. Г. Источники диссертации Чернышевского. 1929. С.372. URL:

[http://russianway.rhga.ru/upload/main/19\)%20%D0%93.%20%D0%93.%20%D0%A8%D0%BF%D0%B5%D1%82.pdf](http://russianway.rhga.ru/upload/main/19)%20%D0%93.%20%D0%93.%20%D0%A8%D0%BF%D0%B5%D1%82.pdf) (последнее посещение 11.05.2018).

²⁴⁸ Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. Т.1. С.256.

Как отмечает А. В. Никитенко, министерство А. С. Норова, пришедшее на смену П. А. Ширинскому-Шихматову в 1853 г. и так же проводившее консервативную политику, настолько дискредитировало себя, что в развернувшийся общественной дискуссии после 1855 г. любая кадровая перестановка означала для многих действие положительное. О возможном смещении А. С. Норова А. В. Никитенко пишет: «Говорят, на место его назначается Ковалевский, попечитель московский. Всеобщее мнение: хуже того, что было, быть не может» (т. 2, с. 49).

Между тем, между А. С. Норовым и А. В. Никитенко сложились достаточно неоднозначные отношения. Будучи «в течение нескольких лет был первым советником министра»²⁴⁹ А. В. Никитенко не только не был материально вознагражден за эту работу, но и не числился в штате помощников министра. «Я работаю с ним, могу сказать, вполне бескорыстно, потому что не получаю даже никакого жалованья за то. И что же: никогда не могу быть уверен в единственной награде, которая, в сущности, мне нужна, – в пользе и прочности моего труда», – с досадой писал Никитенко (т. 1, с. 340).

Но и новый министр Е. П. Ковалевский не оправдал ожиданий либеральной общественности. А. В. Никитенко вскоре приходит к неутешительному заключению: «Евграф Петрович Ковалевский тоже отличный человек, но в министерстве по-прежнему ничего не делается... Начали мы с ним говорить и—о, ужас! Это Норов, он сам, он весь, со всею своею шаткостью, бесхарактерностью...» (т. 2, с. 69). Дела в министерстве в свою очередь требовали поступательных преобразований, на что, видимо, не решался у Е. П. Ковалевский – это затягивало вопрос о сущности требуемых изменений. Е. П. Ковалевский в сложившихся обстоятельствах даже намеривался выйти в отставку, не прослужив и года на посту министра народного просвещения (т. 2, с. 83).

²⁴⁹ Айзеншток И. Я. Дневник А. В. Никитенко... С.10.

Данный период дезориентации политики министерства совпадает с завершением профессорской карьеры А. В. Никитенко. Несмотря на то, что он был оставлен в университете в 1859 г. еще на 5 лет, А. В. Никитенко был задействован во многих государственных и общественных мероприятиях и проектах так, что университетская деятельность отходила на второй план. «Получил из совета университета бумагу о назначении меня исправляющим должность декана. Приходится отказаться, хотя я никому и ничему не служу так охотно, как университету. Но ни сил, ни времени нет. Теперь я весь углубился в проект газеты», - сетует Никитенко. (т. 2, с. 110). Еще ранее мы узнаем о трудностях совмещения общественно-политических мероприятий с уже имеющимися обязанностями А. В. Никитенко в университете: «Время мое до того расхищено текущими занятиями по службе в университете, в Академии, по разным комитетам и пр....написал в субботу кому следует записку, что в университете быть не могу «по болезни» (т. 2, с. 79).

Наиболее объемно и рельефно на страницах «Дневника» в этот период отражаются события студенческого движения и закрытие университета.

Принимаемые новым министерством в 1858-1860 гг. консервативно-охранительные положения не соответствовали изменившейся обстановке в университете. 17 декабря 1858 г. было выпущено распоряжение о запрете студентам изъявлять знаки одобрения или порицания профессорских лекций²⁵⁰, в мае 1859 г. было принято положение о столкновениях студенчества с полицией²⁵¹, в январе 1860 г. был введен надзор над студентами и отменено обязательное ношение мундиров²⁵². Этим ограничениям предшествовал подъем общественной активности среди студенчества – особенно ярко это проявлялось на студенческих собраниях²⁵³. О самих собраниях А. В. Никитенко летом 1858 г. пишет свысока: «Сегодня в городе на так называемой студенческой сходке...молодые люди упускают из виду главные предметы своих собраний и

²⁵⁰ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.3. Стлб. 184.

²⁵¹ Там же. Стлб. 211.

²⁵² Там же. Стлб. 251.

²⁵³ Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох... С.36.

пускаются в рассуждения о предметах, для верного суждения о которых им следует еще серьезно поучиться и подумать» (т. 1, с. 64).

Данная модель взаимоотношений А. В. Никитенко и универсантов определялась более патерналистской, чем равноправной традицией взаимодействия профессорской и студенческой корпораций²⁵⁴. А. В. Никитенко смотрел на студенчество, скорее всего, в рамках системы «старшего-младшего». Вероятно, в этом проявлялся поколенческий конфликт, который отразился и на его восприятии студенческих волнений 1861 года. Также на него влияла установка политика просвещения, которая транслировала образ студента, как неполноправного и еще недееспособного человека, которого университету еще предстоит воспитать. Сам император Николай I «называл студентов «детьми», а министры твердили о «несовершеннолетии» университетских воспитанников, невзирая на их индивидуальный возраст»²⁵⁵.

Уже в сентябре 1858 г., в момент зарождения студенческого протеста, А. В. Никитенко дает достаточно жесткую характеристику сторонникам либеральных идей, поддерживающих студенческие требования. По его мнению, «нынешние крайние либералы» (т. 2, с. 68), — это «в сущности, те же деспоты, только навыворот...как они на вас накинута за малейшее разногласие, какой анафеме предадут, доказывая, что вся свобода в безусловном и слепом повиновении им и их доктрине. Благодарю за такую свободу!» (т. 2, с. 68).

В последующем же абзаце речь пойдет уже об образе действий студентов, их поведении, о чем А. В. Никитенко высказывается крайне неодобрительно: «Студенты бурлят и накликают на университет беду. Произошла какая-то стычка с полицией...Эх, господа студенты, не бережете вы ни университет, ни науку!» (т. 2, с. 68).

А. В. Никитенко даже были предприняты попытки направить студенческую энергию, по его мнению, в более рациональное русло. Как он пишет: «Сегодня говорил со студентом Боголюбовым...Старался внушить ему,

²⁵⁴ Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи... С.22.

²⁵⁵ Галиуллина Р. Х, Ильина К. А. Ученые записки ученого сословия... С.49.

чтобы он ... склонял их к тому, чтобы они вели себя скромнее, больше думали о науке и не давали врагам университета поводов вредить ему в глазах государя и общества» (т. 2, с. 69). Как указывает Р. Г. Эймонтова, данную установку среди профессорства разделял не только А. В. Никитенко, а вся либеральная профессура, которая: «прежде всего стремилась к «восстановлению порядка...Возмущаясь действиями правительства, профессора в то же время старались «удержать студентов от всякого активного сопротивления»²⁵⁶.

А. В. Никитенко категорически настаивает на аполитичности университета, оставляя за университетом исключительно функции воспитания и образования. Общественная жизнь, по его мнению, «...все больше и больше отвлекает их от науки, которая должна одна всевластно царствовать в стенах университета» (т. 2, с. 69).

К концу 1858 г. проблема студенческого движения принимала все более острые формы. Очередным поводом для волнений послужила ситуация с пожаром одного из домов, где проживало несколько студентов: при попытке помочь товарищам универсанты столкнулись с противодействием и оскорблениями со стороны солдат и полиции. Как описывает А. В. Никитенко: «...солдаты, составлявшие около пожара цепь, не только не пустили их туда, но, отталкивая, еще били их прикладами, к чему особенно поощрял солдат офицер, командовавший цепью. «Бей этих канальев!» — неоднократно повторял он» (т. 2, с. 81). Тогда студентами была организована депутация и составлено прошение на имя попечителя университета с просьбой об их защите от солдатского и полицейского произвола, за подписью которой они обратились к профессорскому коллективу.

А. В. Никитенко в свою очередь прошение не подписал, однако обратился для разрешения конфликта к попечителю с предложением составить специальную комиссию из ректора и нескольких профессоров. Целью этой комиссии, по задумке А. В. Никитенко, было усмирение волнений в студенческой среде (т. 2, с. 81).

²⁵⁶ Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох... С.66.

Руководство министерства народного просвещения в качестве способа снижения студенческой активности рассматривало отмену университетской формы. Постановление, разрешавшее студентам вне стен университета находиться не в форме было принято в мае 1860 г. Однако, как еще в 1858 г. А. В. Никитенко, замечал, что это обстоятельство сделает положение студентов в отношении полиции более сложным и «уже совершенно предаст этих бедных юношей во власть нашей грубой полиции» (т. 2, с. 81).

Между тем, стремительно оформляется организованность и самосознание студенческой корпорации, «с 1859 г. в столичном университете возникает «касса взаимопомощи», которая занимается сбором средств...Иными словами, создается та организационная студенческая среда, которая стала основой студенческой фронды начала 1860-х гг.»²⁵⁷.

Последующая запись в «Дневнике» относительно студенческих волнений датируется декабрем 1860 г., однако ее содержание подтверждает длительный и повсеместный характер студенческих волнений, «беспрестанно слышишь о каком-нибудь скандале то в таком-то университете, то в другом заведении» (т. 2, с. 187). Правда в предшествующие месяцы А. В. Никитенко провел вне университета. В марте 1860 г. он получил четырёхмесячный заграничный отпуск по состоянию здоровья. «Получил официальную бумагу от министра об увольнении меня в отпуск за границу на четыре месяца для излечения болезни», – пишет Никитенко (т. 2, с. 140).

Новые известия в «Дневнике» о студенческом движения датируются уже февралем 1861 г., когда на университетском акте универсанты, раздосадованные известием об отмене речи Н. И. Костомарова, организовали выступление, «в зале вдруг раздались крики: «Речь, речь Костомарова!» Крики сопровождалась топаньем, стучаньем и скоро превратились в дикий рев» (т. 2, с. 194). Примечательна реакция администраторов просвещения – как указывает А. В. Никитенко: «Начальство скрылось. Один инспектор, как тень, бродил по коридору» (т. 2, с. 194), попытку разрешить конфликт предпринял лишь ректор,

²⁵⁷ Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи... С.409.

«однако должного эффекта это действие не оказало» (т. 2, с. 194). Так описывает эти события Л. Ф. Пантелеев: «На кафедру взобралось несколько студентов, и между ними мой знакомый Модзалевский; я понял, что происходит сходка. Когда аудитория несколько поуспокоилась, Модзалевский, крайне возбужденный, качал держать речь»²⁵⁸.

Происшествие на университетском акте стало прологом для все более разгорающихся студенческих волнений. Сам А. В. Никитенко относительно произошедшего занимал срединную позицию: с сожалением отмечая неспособность администраторов просвещения разрешить конфликт, «к сожалению, оно (имеется в виду «начальство» – А. К.) лишено возможности действовать с энергией и с достоинством» (т. 2, с. 195), А. В. Никитенко категорично осуждал не только действия студенчества, но также и профессоров, поддерживающих их – причиной такой позиции профессоров А. В. Никитенко находил в стремлении некоторых преподавателей к популярности среди студентов. "Вместо того, чтобы читать им науку, вы пускаетесь в политическое заигрывание с ними», – указывает он (т. 2, с. 195). Сами же действия универсантов А. В. Никитенко истолковывал как недостаточную просвещенность и образованность. Так резюмирует он: «Главная причина всему — неразвитость нашего юношества, которому поэтому и надо больше учиться и проч.» (т. 2, с. 194).

Как отмечает О. Г. Егоров характер записей в этот период значительно трансформируется, «в 1860-е годы под воздействием общественных движений, нарушивших стабильность жизни, привычный жизненный уклад, заметно меняется образ человека на страницах дневника Никитенко. Прежде всего, нарушается целостность человеческого образа. Автор показывает лишь фрагмент личности, причем преимущественно отрицательный»²⁵⁹. Изменения образа человека в «Дневнике» связаны с изменением в характере самого А. В. Никитенко. По дневниковым записям прослеживается все нарастающие чувства

²⁵⁸ Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М. Т.1. 1958. С.151.

²⁵⁹ Егоров О. Г. Дневники русских писателей XIX века... С.53-54.

разочарования, разрушения ожиданий и сожаления. Так записи становятся все желчнее, грубее, особенно это проявляется в отношении оценок студенческого подъёма.

В марте 1861 г. А. В. Никитенко признает всецело охватившие университет кризис и хаос: «Право, никогда еще, кажется, даже при Николае I, в 1848 году, университеты наши не были в таком критическом положении, как теперь» (т. 2, с. 199). А. В. Никитенко отмечает дискредитацию статуса профессора и серьезные проблемы, связанные с кадровым составом университета, как он пишет: «Многие кафедры пусты, другие скоро будут пусты, и нечем их заместить, потому что молодые даровитые люди службе университета предпочитают другие карьеры» (т. 2, с. 199). Также А. В. Никитенко язвительно отзывается о низком уровне подготовленности историков-филологов на экзамене по русской истории, «невежество их, вялость, отсутствие логики в их речах, неясность изложения превзошли мои худшие ожидания» (т. 2, с. 199).

Кризис университетской системы и необходимость реформ были настолько очевидны к этому моменту, что решение его было поручено графу С. Г. Строгонову, Н. В. Панину и В. А. Долгорукову лично императором Александром II. Назначенцам было вверено рассмотреть записку министра народного просвещения, что ставило само министерство в некоторую несамостоятельную позицию. Как пишет А. В. Никитенко: «Министр наш встретил страшные нападки на беспорядки, производимые студентами. Он ссылаясь на дух времени, но это не помогло» (т. 2, с. 203). Через месяц графом С. Г. Строгановым был представлен проект о преобразовании университетов в учреждения, предназначенные исключительно для высших сословий, однако проект был сразу же отклонен университетским Советом, в первую очередь против него выступал министр народного просвещения Е. П. Ковалевский (т. 2, с. 208).

Однако дальнейшие действия студентов определили конец министерства Е. П. Ковалевского, ушедшего в отставку летом 1861 г. Неожиданностью для многих стало назначение новым министром человека военного – адмирала и дипломата Е. В. Путятин. По словам Д. А. Милютина, «неожиданное назначение его министром народного просвещения удивило всех и его самого...Он видел перед собою только одну задачу – водворить дисциплину в распушенной толпе студентов». Первый же циркуляр нового министра вызвал в университете негодование и дух оппозиции»²⁶⁰.

Е. В. Путятин был человеком религиозным и консервативным, что напрямую и отразилось на университетской политике. Главными нововведениями стали обязательное посещение лекций и повышение платы за обучение, что закономерно негативно сказывалось на студентах-разночинцах. Кроме того, циркуляр, принятый Е. В. Путятиным в первые дни своего министерства, вверял ответственность за поступки универсантов профессорской корпорации, что обуславливало увеличение степени оппозиции между министром и университетом. Однако такое положение дел было характерно не только для Санкт-петербургского университета, как пишет А. В. Никитенко: «В Москве тоже негодование и дух оппозиции, возбужденный циркуляром; в Киеве тоже» (т. 2, с. 224). Ответом на циркуляр для Санкт-Петербурга стал отказ избрания проректора университета в противовес указанию Е. В. Путятин. А. В. Никитенко не раз отмечал некомпетентность новоиспечённого министра: «граф Путятин не понимает многих вопросов и задач по управлению министерством. Его идеи во многом очень странны, чтобы не сказать дики» (т. 2, с. 227).

22 сентября 1861 г. распоряжением Александра II были запрещены студенческие собрания. Однако фактически сходки продолжались, на что власть реагировала арестами, некоторые профессора в свою очередь по-прежнему сочувствовали студентам и поддерживали их. Сами же студенты

²⁶⁰ Цит. по: Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох... С.42.

выступали все более решительно. Как указывал А. В. Никитенко: «Студенты шумят и требуют отмены всяких ограничений» (т. 2, с. 228).

24 сентября 1861 г. в связи со студенческими волнениями университет был закрыт. На следующий день среди универсантов собралась демонстрация, направившаяся к дому попечителя Г. И. Филипсона. Воротники мундиров студентов были одинакового голубого цвета. А. В. Никитенко пишет об этом уличном шествии: «...показалась огромная толпа молодых людей с голубыми воротниками и такими же околышками на фуражках...Толпа повернула в Колокольную улицу и стеснилась около квартиры попечителя университета» (т. 2, с. 229). В результате организованного действия попечитель вместе с демонстрацией прибыл в университет, и в зале совета были оглашены требования универсантов: «пользоваться университетскою библиотекою во время закрытия университета...чтобы были отменены правила, которым студенты подчиняются по матрикулам» (т. 2, с. 230). Студентам было отказано.

Волнения среди студенчества не прекращались, «все университеты (кроме Дерптского) волнениями были охвачены. Особенно бурно развивались события в Петербурге и Москве»²⁶¹, уже через несколько дней – 27 сентября, были проведены аресты. В результате «примерно треть студентов оказалась под арестом. Но и это не помогло правительству сломить сопротивление»²⁶², оставшиеся универсанты в свою очередь собирались на университетском дворе. Тогда против студентов был направлен батальон Финляндского полка, прибыл генерал-губернатор П. Н. Игнатъев. Требования студентов, звучавшие в эти дни об освобождении из-под стражи их товарищей и о допуске студенческой делегации к министру народного просвещения, под натиском вооруженного столкновения были отклонены.

Александром II была учреждена комиссия для расследования произошедших событий, от университета в нее был назначен А. В. Никитенко. Как отмечает сам А. В. Никитенко, члены комиссии были «далеки, по крайней

²⁶¹ Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох... С.46.

²⁶² Там же. С.52.

мере все так высказались, от мысли обвинять и преследовать заблудших молодых людей как государственных преступников» (т. 2, с. 232). Однако вскоре А. В. Никитенко сложил с себя полномочия депутата от университета – вместо него был назначен юрист Горлов.

Настроения среди либеральной части общества были на стороне студенчества. Как пишет А. В. Никитенко: «Все теоретики-либералы, журналисты также на их стороне» (т. 2, с. 234). Само же студенчество продолжало выражать протест и собираться на сходках. В это время, как он пишет, осложнились его отношения с молодыми профессорами, поддерживавшими студентов: «Все члены университета *ультрапрогрессисты* сделали врагами моими за то, что я не одобряю поступков студентов и вообще восстаю против принципа, который предоставляет студентам право *требовать* отмены каких-либо постановлений» (т. 2, с. 235). А. В. Никитенко воспринимался в университете как уходящая фигура. Так, Л. Ф. Пантелеев пишет: «Был еще Никитенко, дотягивавший последние дни своего профессорства»²⁶³.

Связь студенческой активности с настроениями профессоров подтверждается многими записями. Так, А. В. Никитенко воспроизводит сцену с Н. И. Костомаровым и его слова о причине его отставки. «Костомаров встал и как-то несвязно заговорил о своем расстроенном здоровье, потом перешел к откровенности. «Я, — сказал он, — получил более двадцати ругательных писем от студентов; мне угрожают побить меня, если я останусь в университете: что же мне делать?» Наконец он склонился на убеждения, чтобы ему по крайней мере числиться на своей кафедре, авось студенты отдумают и не захотят его больше ругать» (т. 1, с. 264).

Очевидно студенчество имело свои весьма четкие представления о характере профессорской корпорации. Л. Ф. Пантелеев пишет: «Нельзя сказать, чтобы новые веяния заметно отразились на университете; на всех факультетах

²⁶³ Пантелеев Л. Ф. Воспоминания... С.186.

царили профессора старого закала»²⁶⁴. Действительно, массово обновив преподавательский состав в 1830-ые гг., С. С. Уваров обрек факультеты на массовое «старение» в 1860-ые гг., «законодательные принципы реформирования университетов 1830-х годов не уничтожили власти университетских старцев, произведенное обновление имело лишь временный характер»²⁶⁵.

Далее А. В. Никитенко выступает как хронист продолжающихся университетских «беспорядков». 8 октября 1861 года был созван университетский Совет, который не пришел к каким-либо конкретным решениям о выходе из кризиса (т. 2, с. 237), однако уже 11 октября официально университет был открыт и был снят караул. В первый же день студенческое собрание стало протестовать против матрикул, таким образом, оставив лекционные кабинеты полупустым (т. 2, с. 238). Как отмечает А. В. Никитенко, большая часть студентов, «предвидя скандал, не пошла на лекции из опасения подвергнуться неприятностям от товарищей противной партии» (т. 2, с. 238). Нападкам со стороны студенчества также подвергались и те студенты, которые решили принять матрикулы и посещать лекции. Как указывает А. В. Никитенко: «Студенты... подбросили в университете четыре записки с ругательствами на тех своих товарищей, которые посещают лекции» (т. 2, с. 241).

В это время поисков путей решения университетского кризиса популярность среди профессорской корпорации получил проект барона М. А. Корфа, который «предлагал сделать университеты совершенно открытыми для всех и каждого...и таким образом прекращается их корпоративное значение» (т. 2, с. 242). Тем временем, кризис все нарастал – к началу ноября немногочисленное количество студентов и вовсе прекратило посещать университет. А. В. Никитенко в свою очередь разочарованно пишет об

²⁶⁴ Пантелеев Л. Ф. Воспоминания... С.184.

²⁶⁵ Костина Т. В. Профессора «старые» и «новые»: «антиколлегияльная» реформа С. С. Уварова... С.237.

Александре II: «Но, право, я боюсь, чтобы мне не перестать уважать его» (т. 2, с. 242).

Декабрь месяц также начался со студенческих протестов. Студентами был избит инспектор Шмидт. Вот как описывает инцидент А. В. Никитенко: «увидев между ними одного, не принадлежавшего к тем, которые взяли матрикулы и следовательно получили право посещать университет, он (имеется в виду Шмидт – А. К.) взял его за руку и спросил: «А вы зачем здесь?» Тогда на бедного Шмидта посыпались удары» (т. 2, с. 248).

Тем временем А. В. Никитенко был назначен одним из членов комиссии по пересмотру устава 1835 г. (т. 2, с. 249). А 21 декабря в связи с нарастанием студенческого протеста последовало Высочайшее распоряжение о повторном закрытии университета. Однако, как пишет А. В. Никитенко, «фактически он был уже закрыт самими студентами, которые не посещали лекции» (т. 2, с. 251).

Таким образом, университетский кризис разрешился волной массовых протестов среди студенчества, урегулировать который удалось лишь в условиях закрытия университета и последовавшей за этим переработкой устава. Только в июне 1862 г. будет открыт физико-математический факультет, а полное открытие университета последует в 1863 г. с новым уставом, открывающим новый период в истории университетов Российской империи (т. 2, с. 269).

Историография представляет неоднозначные оценки результатов студенческого движения. Так, Р. Г. Эймонтова указывает на большое влияние этих событий на принятие Устава 1863 г.: «Студенческие волнения оказали решающее влияние на исход борьбы за преобразования университетов»²⁶⁶. Схожего мнения придерживаются Е. А. Вишленкова и Р. Х. Галиуллина, по мнению которых события 1861 г. «принудили правительство осудить команду своих предшественников и вновь искать эффективную форму для университетского управления»²⁶⁷.

²⁶⁶ Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох... С.68.

²⁶⁷ Вишленкова Е. А., Галиуллина Р. Х. Профессора и бюрократы... С.69.

Противоположной точки зрения придерживается Г. А. Камчатнов, считая, что своим появлением устав 1863 г. «обязан не общественному движению, а борьбе различных идейно-политических концепций в бюрократических кругах. Сложилась же она отнюдь не под влиянием улицы и толпы, а в результате своеобразного понимания «верхами» необходимости модернизации и европеизации, кризиса николаевской системы управления»²⁶⁸.

Тем не менее очевидно, что студенческое движение ознаменовало собой в первую очередь обретение корпоративного духа, «этим же, на наш взгляд, объясняется неожиданная для власти поддержка петербургских студентов их московскими товарищами»²⁶⁹. Это закономерно совпадало с ростом общественного значения университетов, когда они: «обрели высокий социальный статус, установили многоканальные связи с российским обществом, когда выросла потребность россиян в университетском образовании, и когда проявился кризис, вызванный бюрократизацией университетов 1840–1850-х годов»²⁷⁰.

Но что еще значимо результатом кризиса университетской системы и последующих студенческих волнений стало общее убеждение: «в том, что правительственная опека губительна для науки»²⁷¹. Университетская корпорация теперь была готова принять и отстаивать автономное управление.

²⁶⁸ Камчатнов Г. А. Отечественная историография правительственной политики в университетском вопросе в эпоху великих реформ // Научные ведомости. 2008. № 10 (50). С.68.

²⁶⁹ Жуковская Т. Н., Любезников О. А. Правительственная политика и корпорация Петербургского университета... С.31.

²⁷⁰ Вишленкова Е. А., Галиуллина Р. Х. Профессора и бюрократы... С.4.

²⁷¹ Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох... С.113.

Заключение

Санкт-Петербургский Императорский университет во второй трети XIX в. претерпевал значительные изменения, которые позволили ему уже в последующие десятилетия, после кризиса 1861-1863 гг., приобрести огромное влияние в общественной жизни Российской империи, а также занять свое место среди университетов мирового уровня. Успехи Санкт-Петербургского университета были подготовлены в значительной степени реформаторской деятельностью С. С. Уварова в 1830-40-х гг., которая и обуславливала успешный переход к национальной модели университета.

«Дневник» А. В. Никитенко, охватывающий данный переходный период, позволяет увидеть становление и преобразование «университетского мира» «русского университета» не через официальное делопроизводство, статистику и сухие факты, а глазами внимательного наблюдателя, включенного в этот процесс. Источник позволяет рассмотреть состояние профессорской корпорации, корпорации студентов, взаимодействие между университетом и администраторами просвещения, рассмотреть интеграцию университета в общественную жизнь.

Стержневым сюжетом «Дневника», как показано в данной работе, является отражение истории столичного университета и образа университета, которые следует рассматривать в контексте взглядов А. В. Никитенко, особенностей его личности, биографии и профессионального пути.

Опыт социальной неполноценности и зависимости, испытанный А. В. Никитенко в юности, накладывал определённый отпечаток на восприятие событий и людей и, в конечном счете, на тот образ университета, который предстает на страницах его «Дневника». Закономерно, что тема общественного устройства является лейтмотивом ко всем дневниковым записям. В свою очередь, одним из важнейших сюжетов «Дневника» в 20-60-ые гг. XIX в. является тема образования. Понятия ценности и значимости образования сформировались у А. В. Никитенко под влиянием его отца и острожского

окружения, что во многом определило последующие позиции А. В. Никитенко, заключающиеся, главным образом, в понятиях гражданской свободы, просвещенного гуманизма, представлениях об автономности университетской корпорации и свободе научной деятельности. В основу своей жизненной философии А. В. Никитенко ставил идею служения науке как возможности исполнения общественного долга, а всю действительность он стремился подчинить «законам разума» и понятиям о чести и справедливости. Таким образом, А. В. Никитенко представляет собой тип прагматика-идеалиста.

Путь А. В. Никитенко в университет был нетипичен, однако и не уникален²⁷². Высокая социальная мобильность и доступность университетского образования вкупе с покровительством А. Н. Голицына, Я. И. Ростовцева, К. Ф. Рылеева привели А. В. Никитенко на университетскую скамью. Его обучения на протяжении всего периода протекало успешно и плодотворно. Однако начало карьерного пути А. В. Никитенко в университете было омрачено последствиями «дела профессоров» 1821 г., в результате которого ректорство было отдано А. А. Дегурову, принципиально обходившего А. В. Никитенко при решении вопроса о включении в штат преподавателей. Но вскоре наступил новый этап в системе высшего образования, ознаменовавшийся реформаторской деятельностью С. С. Уварова, что было с большим воодушевлением встречено А. В. Никитенко.

Настоящим ударом для А. В. Никитенко стала политика просвещения эпохи «мрачного семилетия» (1849-1855 гг.), что отражается в самом определении этого периода, принадлежавшем А. В. Никитенко (т. 1, с. 247). Он болезненно переживал устанавливающийся полицейско-охранительный режим в университете. Общее настроение записей А. В. Никитенко от года к году становилось все более мрачным и угрюмым. Контрреформы этого периода получили в интерпретации А. В. Никитенко определение: «крестового похода против науки»²⁷³. Кроме того, его карьера в университете была отягощена 16-

²⁷² Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи... С.135.

²⁷³ Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох... С.44.

летним пребыванием в должности экстраординарного профессора и, соответственно, скрытым конфликтом с П. А. Плетневым, обходившего А. В. Никитенко не только по службе в университете, но и по службе в Петербургском цензурном комитете и канцелярии Министерства народного просвещения. Эти обстоятельства биографии и профессионального пути А. В. Никитенко накладывали определенный отпечаток на его мировосприятие, в последующем и определившее его крайне негативное отношение к студенческим волнениям 1861 г. – центральному событию истории дореформенного университета²⁷⁴.

Студенческие волнения являлись следствием процесса обретения самосознания университетской корпорацией, протекающего в условиях кризиса всей системы высшего образования в Российской империи. Студенческие протесты привели к закрытию университета, а в знак солидарности с универсантами подали в отставку профессора К. Д. Кавеллин, А. Н. Пыпин, В. Д. Спасович, Б. И. Утин. А. В. Никитенко болезненно переживал кризис университетской системы, и в студенческом движении 1861 г. он видел лишь обострение и без того шаткого положения университета и девальвацию авторитета науки. Романтизация и идеализация А. В. Никитенко окружающего мира сменилась скептицизмом и озлоблением. Его неоправдавшиеся ожидания от университетской карьеры, научной и общественной деятельности усиливали неприятие происходивших событий. Тогда А. В. Никитенко уже был не в состоянии понять сущность и значение студенческих протестов, приведших к утверждению автономности университетской корпорации, чего сам он когда-то желал.

Содержание «Дневника» А. В. Никитенко во многом определяется мотивацией автора. Мотивация в ведении дневниковых записей А. В. Никитенко, в первую очередь, обуславливалась его стремлением к публичности. «Дневник» являлся для А. В. Никитенко своеобразным посланием

²⁷⁴ Жуковская Т. Н. Санкт-Петербургский (Ленинградский) университет в воспоминаниях, или Особенности университетской памяти... С.129.

для потомков, сообщавших о реалиях жизни Российской империи в Николаевское время. Данный вывод обуславливается рядом наблюдений: постоянными обращениями А. В. Никитенко к будущим поколениям, отсутствием записей относительно частной и семейной жизни и переживаний с ней связанных, самим фактом подробного ведения «Дневника», фиксировавшего детали и сюжеты общественной университетской жизни. По завещанию А. В. Никитенко его дочерям вменялось поступить с его записями согласно «общественному долгу». Старшая дочь Софья практически сразу после кончины отца занялась поиском журнала для публикации дневника отца и приведением его записей «в порядок». Большинство редакторов печатных изданий не заинтересовались «Дневником», поскольку в последние годы своей жизни его автор перестал быть публичным человеком и о нем попросту забыли. Только через одиннадцать лет после смерти А. В. Никитенко его «Дневник» начал публиковаться в журнале «Русская старина» редактора М. И. Семецкого²⁷⁵.

Значение «Дневника» А. В. Никитенко трудно переоценить. Его автор хроникально точно и обстоятельно характеризовал то время, в котором ему пришлось жить, и те события, свидетелем которых он являлся. А. В. Никитенко записывал сведения о произошедших событиях каждый день на протяжении пятидесяти лет, причем в некоторые дни он садился за «Дневник» по несколько раз. «Дневник» содержит множество персональных характеристик, являющихся знаковыми в отечественной истории: влиятельных сановников и министров (С. С. Уваров, М. Н. Мусин-Пушкин, А. Х. Бенкендорф, А. В. Норов, Я. И. Ростовцев, Е. П. Ковалевский, Е. В. Путятин), членов императорской фамилии и царедворцев, знаменитых деятелей из университетской и академической среды, литераторов: А. С. Пушкина и Ф. В. Булгарина, Н. И. Греча и О. И. Сенковского, М. П. Погодина и М. Н. Каткова, Н. Г. Чернышевского и А. И. Герцена. Стоит отметить и активное участие А. В. Никитенко в общественной жизни, его работу в различных ведомствах Министерства народного

²⁷⁵ Айзеншток И. Я. Дневник А. В. Никитенко... С.36.

просвещения, близость к высокопоставленным чиновникам, что безусловно обогащает содержание дневниковых записей. Таким образом, несомненно высокая информативность «Дневника» как источника и проницательность его автора как наблюдателя.

Из всего массива свидетельств, приводимых А. В. Никитенко, выделяются блоки, отражающие динамику социальных и профессиональных отношений в университете, портреты профессоров и администраторов просвещения, изменения в студенческой среде, формах преподавания и обучения.

Образ Санкт-петербургского университета, представленный на страницах «Дневника» А. В. Никитенко, – многоплановый, обстоятельный, некоторые сообщения о жизни столичного университета и его сообщества являются единственными в своем роде. Поэтому «Дневник» А. В. Никитенко остается уникальным историческим источником, позволяя достаточно полно воссоздать общественные отношения, правительственные проекты в отношении просвещения и их реализацию, проблему крепостное права, место науки и образования в обществе, роль цензуры и ее границы. Но главное – данный источник позволяет реконструировать историю развития университетской корпорации, ее взаимодействие с различными общественными и политическими институтами.

Список используемых источников и литературы

Источники:

1. 1. Неопубликованные источники:

1. Центральный Государственный Исторический Архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 1 Д. 4619: Служба профессора Никитенки, 1843 г.
2. Центральный Государственный Исторический Архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3 Д. 5592: О возложении наблюдения за практическими упражнениями казенных студентов на ординарных профессоров Шульгина, Чижова, Грефе и Никитенко, 1836 г.

1. 2. Опубликованные источники:

1. Анненков П. В. Литературные воспоминания / Редкол. сер.: В. Э. Вацуро и др. М.: Худож. лит., 1983. — 712 с.
2. Дондуков-Корсаков А. М. Мои воспоминания. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1902. — 36 с.
3. Модзалевский Л. Н. Из педагогической автобиографии. Русская Школа. Т.3. 1897. №3. С.15-29.
4. Никитенко А. В. Дневник. Т. 1: 1826-1855. М.: Гослитиздат, 1955. — 543 с.
5. Никитенко А. В. Дневник. Т.2: 1856-1864. М.: Гослитиздат, 1955. — 653 с.
6. Общий Устав Императорских Российских университетов // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 1. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1855. Стлб. 969-995.
7. Пантелеев Л. Ф. Воспоминания: в 2 т. Т.1. М.: Гослитиздат, 1958. — 875 с.
8. Писарев Д. И. Наша университетская наука. СПб.: Изд-во Ф. Павленкова, 1863. — 54 с.
9. Полевой П. Н. Век нынешний и век минувший // Исторический Вестник. Т.28. 1887. С.169-187.
10. Пыпин А. Н. Мои заметки. Вестник Европы. 1905. №3. С. 5-59.
11. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.2. (Ч.1, 2): 1825-1855. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875. Стлб.1628. Т.3: 1855-1864. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1876. — 1528 стлб.

12. Семенов-Тянь-Шанский П. П. Санкт-Петербургский университете (1845-1848 гг.) // Ленинградский университет в воспоминаниях современников: в 3 т. / под ред. В. В. Мавродина Т.1. Л.: ЛГУ, 1963. С.41-44.
13. Скабичевский А. М. Очерки по истории русской цензуры 1700-1863 гг. СПб: Изд-во Ф. Павленкова, 1892. — 499 с.
14. Устрялов Н. Г. Воспоминания о моей жизни. Исторический вестник. 1884. Т.16. С.578-604.
15. Фортунатов Ф. Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете за 1830-1833 г. // Русский архив. 1869. № 2. С. 305-340.

Литература:

1. Аврус А. И. История российских университетов: Очерки. М.: Издат. центр науч. и учеб. программ, 2001. — 85 с.
2. Березина В. Г. Цензор о цензуре // Русская литература. 1996. № 1. С. 159-174.
3. Богданович А. И. Никитенко как представитель обывательской философии приспособляемости / Сборник критических статей. СПб.: Изд-во Мир божий, 1908. — 328 с.
4. Булгаков Ф. И. Лермонтов и цензура // Исторический Вестник. 1884. Т.15. С.566-574.
5. Булгакова Л. А. Мемуары как источник по истории университетов дореформенной России // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XVI. Л., 1985. С.189-202
6. Васильев В. А. Приключение одной книги // Исторический Вестник. 1887. Т.30. С.664-679.
7. Виртшафтер Э. К. Социальные структуры: различия в Российской империи. М.: Логос, 2002. — 272 с.
8. Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Академический проект, 1999. — 350 с.

9. Вишленкова Е. А., Галиуллина Р. Х. Профессора и бюрократы: парадоксы университетской автономии в России в первой половине XIX века. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. — 72 с.
10. Вишленкова Е. А., Дмитриев А. Н. Прагматика традиции, или актуальное прошлое для российских университетов // Вишленкова Е. А., Савельева И. М. Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. С.61-95.
11. Вишленкова Е. А. Ильина К. А. «Воспроизводство себе подобных» в российском университете первой половины XIX века. Препринт WP6/2011/04 Серия WP6. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. — 50 с.
12. Воронов А. С. Исторически-статистическое обозрение учебных заведений С. Петербургского учебного округа с 1829 по 1853 г. Спб.: Тип. Якова Трея, 1855. — 305 с.
13. Галиуллина Р. Х, Ильина К. А. Ученые записки ученого сословия (первая половина XIX века). М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 44 с.
14. Галиуллина Р. Х. М. Н. Мусин-Пушкин – попечитель Казанского и Петербургского учебных округов // Санкт-Петербургский университет в XVIII-XX вв.: европейские традиции и российский контекст. Мат. межд. науч. конф. Спб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С.88-106.
15. Галиуллина Д. М. Проблема изучения мемуаров в отечественной исторической мысли. Ученые записки Казанского Университета. Гуманитарные науки. Т. 128. 2006. № 4. С.36-46.
16. Георгиева Н. Г. Мемуары как феномен культуры и как исторический источник // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. 2012. №1. С.126-138.
17. Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования. Историческая записка. Спб.: Тип. В. Безобразова и ком., 1870. — 679 с.
18. Егоров О. Г. Дневники русских писателей XIX века. Исследование. М.: Изд-во Флинта, 2002. — 180 с.

19. Ежова С. А. Мемуары воспитанников Казанского университета, как исторический источник (XIX век). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Казань, 1995. — 11 с.
20. Жуковская Т.Н. Русская мемуаристка первой трети XIX века. Учебное пособие по спецкурсу. Петрозаводск: ПетрГУ, 2006. — 87 с.
21. Она же. О «лжеучености», корысти, интриганстве и корпоративной этике: пороки в университетской среде первой половины XIX в. Университеты в образовательном пространстве региона: опыт, традиции, инновации». Мат-лы науч.-метод. конф. 16-17 февраля 2010. Петрозаводск, 2010. Ч. 1 (А -К). С.16-26
22. Она же. Университеты и университетские традиции в России. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011. — 140 с.
23. Она же. Представляя университетское сословие [Рец. на книги: Вишленкова ЕА. Галиуллина Р.Х. Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессорская солидарность. М., 2012. 650 с.; Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. Коллективная моногр. под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М.: НИУ ВШЭ, 2013] 386 с. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2016. № 3. С.170-176.
24. Она же. «Тайные общества», студенческие «буйства» и запрещенные лекции: политика в дореформенном университете // Уроки истории – уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930-1996). СПб.: Нестор-История, 2012. С.258-278.
25. Жуковская Т. Н., Любезников О. А. Правительственная политика и корпорация Петербургского университета в дореформенный период: основные итоги и проблемы изучения. Клио. Журнал для ученых. 2013. № 10(82). С.26-36.
26. Она же. Санкт-Петербургский (Ленинградский) университет в воспоминаниях, или Особенности университетской памяти // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии. VII Арсентьевские чтения (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 18 сент. 2017 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ИД «Среда», 2017. С.128–132.

27. Зипунникова Н. Н. Правовой статус ученого в Российской империи (особенности формирования ключевых моментов) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 2. С.157-167.
28. Зотов Р. М. Либеральный цензор и профессор пессимист. Биографический очерк // Исторический Вестник. 1893. Т.54. № 10-12. С.194-211.
29. Казакова К. С. Студенчество Петербургского университета в первой половине XIX в. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Спб., 2010. — 24 с.
30. Камчатнов Г. А. Отечественная историография правительственной политики в университетском вопросе в эпоху великих реформ // Научные ведомости. 2008. № 10 (50). С.66-71.
31. Кантор В. К. А. В. Никитенко: русский либерал как наследник петровских реформ. // Вопросы философии. 2006. №11. С.111-122.
32. Костина Т. В. Карьера в университете, или сколько лет должно быть профессору // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2007. Ч.20. С.262-270.
33. Она же. Качество жизни университетского профессора первой половины XIX века (на примере Казанского университета) // Санкт-Петербургский университет в XVIII-XX вв.: европейские традиции и российский контекст. Спб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2009. С.57-74.
34. Она же. Мир университетского профессора Казани. 1804-1863: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Казань, 2007. — 27 с.
35. Она же. Пересмотр кадрового состава русских университетов в 1835-1837 годах. // Уроки истории - уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930-1996) СПб.: Нестор-история, 2012. С.234-242.
36. Она же. Профессора «старые» и «новые»: «антиколлегияльная» реформа С. С. Уварова // Вишленкова Е. А., Савельева И. М. Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. С.212-239.

37. Краснов Г. В. при участии Щемелевой Л. М. Никитенко // Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь: в 4 т. Т. 4. М.-П. М.: Изд-во: Большая российская энциклопедия, 1999. С.297-302.
38. Кузнецова Н.И. Социо-культурные проблемы формирования науки в России (XVIII -середина XIX вв.). М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 147 с.
39. Кулакова И. И. Мемуарно-автобиографическая проза А. В. Никитенко. Автореф. дисс. канд. фил. наук. Орел, 2000. — 13 с.
40. Очерки по истории Ленинградского университета: в 8 т. Т.4. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. — 152 с.
41. Павловская С. В. Дневники и воспоминания отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX - начала XX вв. Автореф. дисс. канд. фил. наук. Новгород, 2006. — 11 с.
42. Плетнев П. А. Первое двадцатипятилетие Императорского Санкт-Петербургского университета. Историческая записка. СПб.: тип. воен.-учеб. заведений, 1844. — 127 с.
43. Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX - начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017. — 904 с.
44. Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819-1917 гг.). Спб., 2012. URL: <http://bioslovhist.spbu.ru/university.html> (последнее посещение 11.05.2018).
45. Тишкин Г. А. Некоторые итоги изучения истории университетского образования в Санкт-Петербурге. // Вестник СПбГУКИ. 2011. № 4 (9). С. 154-9.
46. Цыганов А. В. Российский цензор А.В. Никитенко: по материалам дневника. // Молодой ученый. Т. 2. 2011. № 4 (27). С.51-55.
47. Шпет Г. Г. Источники диссертации Чернышевского. 1929. URL: [http://russianway.rhga.ru/upload/main/19\)%20%D0%93.%20%D0%93.%20%D0%A8%D0%BF%D0%B5%D1%82.pdf](http://russianway.rhga.ru/upload/main/19)%20%D0%93.%20%D0%93.%20%D0%A8%D0%BF%D0%B5%D1%82.pdf) (последнее посещение 11.05.2018).

48. Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох: от России крепостной в России капиталистической. М.: Наука, 1985. — 350 с.
49. Она же. Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. М.: Наука, 1993. — 272 с.
50. 275 лет Санкт-Петербургский государственный университет, летопись 1724-1999. Спб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. — 421 с.